

ЛИНА

МУР

ИСПОВЕДЬ БОССА

КОГДА ОХОТИШЬСЯ, ДАЙ ЗВЕРЮ ВЫЙТИ НА ТЕБЯ

Лина Мур
Исповедь Босса

«Издательские решения»

Мур Л.

Исповедь Босса / Л. Мур — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-537669-5

Мне подвернулась прекрасная возможность вытащить свою семью из долгов и помочь больной матери. Для этого я отказалась от родины, и приехала в Америку. Но все было обманом. Одно чудовище сменилось на другое. С этого момента его исповедь станет болью и укусами плетей, опасными погонями и вереницей смертей. Умелое соблазнение. Игра с тьмой, в которой страшно, и это лишь сильнее возбуждает. Два мира пересеклись, и главное — не потерять рассудок от страсти и похоти, от сладкой боли и исповеди убийцы. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-537669-5

© Мур Л.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	21
Глава 3	27
Глава 4	32
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Исповедь Босса

Лина Мур

© Лина Мур, 2023

ISBN 978-5-0053-7669-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Красный диплом лингвистического факультета. Прекрасные перспективы в Лондоне. Потрясающая работа. Идеальная квартира. Предполагаемый будущий жених. Романтические вечера за бокалом вина и тихий смех. Отличная возможность увидеть Италию, Германию и другие страны. Постоянные повышения квалификации за счёт фирмы. Свадьба младшего брата и появление двух племянников у старшей сестры. Уютный небольшой домик в Хартуэлле, в качестве подарка родителям, с личным садом и огородом. Никаких финансовых проблем. Никаких ссор. Никаких мрачных лиц. Никаких страхов. Никаких...

Распахиваю глаза и, зевая, выключаю будильник, установленный на пять утра.

Мда, это была моя жизнь, и я снова проживала её в своём сне.

Принимаю душ и спускаюсь по скрипучей лестнице на кухню. Ставлю на плиту молоко и одновременно варю себе кофе.

– Милая, снова ранняя смена?

– Оборачиваюсь и, мягко улыбаясь папе, киваю.

– Да, взяла дополнительные, – шепчу я. – Почему ты не спишь? Ещё очень рано.

– Маме было плохо всю ночь. Её тошнило...

– Боже, ты должен был позвать меня. Я бы помогла.

Отцовская ладонь ложится мне на плечо и, успокаивая, поглаживает меня. Его составившееся за последний год лицо всё в мелких морщинах, с тёмными кругами под глазами, но взгляд такой же добрый, как и раньше.

– Ты и так много работаешь. Тянешь нас всех. Тебе нужно было выспаться, Лави.

– Ей становится всё хуже, да? Когда у нас следующий приём? – горько всхлипываю.

– Нет, это нормально, по словам врачей. Мы пережили химиотерапию, и это всего лишь её последствия. Всё стабилизируется через месяц или два. Нам надо просто это пережить. Ухудшений нет.

– Непривычно, – пожимаю плечами, засыпая овсянку для завтрака себе, папе и маме. А им ещё и на обед должно хватить, пока я не приеду и быстро не приготовлю ужин из полуфабрикатов.

– Мама всегда была такой жизнерадостной. Ещё год назад она танцевала на свадьбе Брайна, а сейчас... – замолкаю, бросая взгляд на тёмную гостиную и на находящуюся за ней дверь в комнату, переоборудованную в палату для мамы.

– Она и сейчас не падает духом, так и мы не должны. У нас хорошие результаты, благодаря тебе, Лави. Поэтому не гневи судьбу, она увидит, что тебе мало проблем и подкинет новые. Я сам покормлю свою девочку, а ты посиди. – Папа мягко отталкивает меня от плиты, вкладывая мне в руку стакан с кофе.

Лейкоз. Так они сказали. Генетическая предрасположенность или просто трагическое стечение обстоятельств. Длительное лечение. Операция по удалению желчного пузыря, поражённого бактериями. Химиотерапия. Я всё продала ради лечения матери и переехала к родителям, чтобы помогать им и возить в город на диагностику и наблюдение. Но денег не хватает. Их катастрофически не хватает. Мой брат не может помочь. Сестра с двумя детьми, пребывающая в ожидании предстоящего судебного заседания по разводу, тоже не особо проявляет интерес. Осталась я. Перечеркнув всю свою жизнь, оказалась там, откуда начинала. Но мы справимся. До этого времени нам это удавалось и снова удастся.

Сейчас я работаю в диспетчерской службе города. Мне приходится ездить туда по два часа в каждую сторону, зачастую клиенты попадают вредные и недовольные, но я держусь. Мне двадцать семь лет и единственная цель сейчас – поднять маму на ноги и потом уже вновь подумать о возвращении в Лондон. Ничего. Главное, что все живы. Смерть обошла нас сто-

роной, а пока я отвечаю на глупые вопросы и размещаю резюме со свежими фотографиями, которые на днях сделал папа. Раньше он работал в журналах и газетах, делая потрясающие снимки, пока не ушёл на пенсию, а мама писала статьи. Она помогала женщинам в сложные периоды жизни и поддерживала их. В издательстве они и познакомились. И вот теперь папа помог мне с идеальным резюме. Мне нужна работа по профессии, иначе я без практики просто забуду языки. Нам необходимы деньги, а они водятся лишь в Лондоне. Я должна вернуться туда. Любым способом.

Каждый вечер я валюсь с ног от усталости, но стираю и развешиваю бельё, прибираюсь в доме и проветриваю его, пока папа вывозит маму на вечернюю прогулку в заросший сад. Я дезинфицирую её комнату, расставляю всё по местам и снова завожу будильник. И так день за днём. Стабильно.

– Лави?

Набрасываю шарф на шею и оборачиваюсь к папе.

– Тебе кто-то звонил. Прости, я забыл сказать. Два дня назад. Сообщили, что это по поводу твоего резюме, и они не смогли связаться с тобой по первому номеру...

Охаю и выхватываю из папиных рук лист.

– Ты не говорила, что снова разместила резюме. Тебе не нравится твоя работа? Там хорошо платят, и ты рядом с нами.

Пробегаюсь взглядом по номеру телефона и по сообщению с просьбой перезвонить им самой. Сердце радостно подпрыгивает в груди. Первый отклик на резюме за месяц.

– Лавиния!

– Да... да, что? – Поднимаю взгляд на папу.

– Если тебе сложно работать столько часов, то снизь загруженность. Нам всего хватает.

– Пап, это не моя специализация, понимаешь? Хочу работать по своей. Я могу быть переводчиком или работать на дому, переводя документы. Это просто подработка в свободное время, – вру, хватая ключи от папиной машины. Свою продала.

– У тебя есть свободное время? – изумляется он.

– Будет. Если там оплата будет выше, чем у меня сейчас, то я откажусь от некоторых смен и буду совмещать. Мне нужно бежать, люблю. – Выскакиваю за дверь.

В моей руке зажат клочок бумаги, единственный шанс прекратить врать родителям, что у нас всё хорошо. Ни черта не хорошо. Чёрт... хватит ругаться, но иначе не скажешь. Мне пришлось отказаться от оплаты мобильного, чтобы приносить больше денег семье. Мои родители не пользуются сотовыми телефонами, старая закалка, больше стационарным, и они всегда могут позвонить мне на работу, что и делает папа. Так что... один шанс.

Моё настроение улучшается. Я волнуюсь и нервно штудирую разные тесты, чтобы прийти в форму. Я готова.

Перезваниваю по нужному номеру и слушаю приятную музыку до тех пор, пока мне не отвечает мелодичный женский голос.

– Да-да, здравствуйте. Это Лавиния Браун, вы оставили для меня сообщение. Простите, что вам не удалось со мной связаться, украли мобильный, – быстро тараторю я.

– Мы очень рады, что вы нам перезвонили, и примите самые искренние сожаления об утрате.

Кривлюсь... для меня это ужасные слова, но сглатываю, мысленно кивая невидимой собеседнице.

– Мы бы хотели вас пригласить на собеседование по направлению личный переводчик. Вы сможете подъехать в район Паддингтона сегодня к четырём часам?

Кусаю губу и бросаю взгляд на часы.

– Ох, нет, простите. В данный момент я живу не в Лондоне и физически не успею добраться до вас...

– Минуту, я посмотрю расписание.

Вау, какая удача и какая милая девушка.

– У нас есть время завтра, на десять утра. Это крайний день первого этапа собеседования. Второй начнётся завтра же после шести вечера, если вы пройдёте онлайн-тесты в нашем офисе.

– Хорошо, конечно. Я приеду.

– Тогда запишите адрес и мой личный контактный телефон, если вдруг заблудитесь.

Хватаю ручку и быстро черкаю всю информацию на той же бумаге, что дал мне папа. Девушка прощается со мной, и я жмурюсь от радости. Я абсолютно уверена в своих силах, потому что проходила подобные тестирования сотню раз. Но... моя радость сразу же меркнет, когда я вспоминаю о рабочем графике, да ещё и о дороге. Практически сутки не спать. Ехать до Лондона и там ждать, что мне ответят. И допустят ли на второй этап? И я не сдаюсь. Уверенно поднимаюсь из кресла и иду к начальнику. Конечно, бурчание и недовольство следует за моей просьбой завтра взять выходной. Как будто моя работа так важна здесь. И всё же мне идут на уступки с условием, что я отработаю ещё две чужие смены. Я надеюсь, что скоро это закончится, поэтому мне так легко подписывать документы и планировать предстоящий день.

Вечером дома меня встречают родители, и мне даже удаётся немного поболтать с мамой, пока папа убирает её комнату. Она, действительно, идёт на поправку, но это ещё не точно, так что я абсолютно уверена в том, что делаю.

Сообщаю папе, что буду весь день в Лондоне, он воспринимает это не особо хорошо. Я всегда была его любимицей, и он никогда не был рад тому, что большой город заманивает меня в свои сети. Но там, где большой город, большие деньги. Это я знаю наверняка.

Воодушевлённая и подготовленная к первому этапу собеседования, подъезжаю к жилому зданию. Меня встречает высокая и ухоженная девушка, объясняя, что комфорт для их фирмы это самое важное, особенно комфорт их сотрудников. Дом переоборудован в офисы, в которых полно людей, и все они работают за стеклянными перегородками. Я впервые нахожусь в такой атмосфере домашнего уюта. Мне нравится. Если я буду работать здесь, то большего даже и не нужно. Прекрасное место. Пойдя тест, который автоматически показал высшие баллы, получаю всё от той же девушки, менеджера по подбору персонала, пропуск в здание и приглашение на собеседование, на восемь часов. Господи, что мне делать в Лондоне девять часов?

Ранняя весна в Лондоне – это пасмурное небо и постоянный дождь. Так что погулять где-то мне не удалось, а пришлось засесть в ближайшем «Макдональдсе», читая бесплатный журнал и переводя его на несколько языков, чтобы убить время.

Второе собеседование проходит с мужчиной, довольно привлекательным, но очень профессиональным. Он общается со мной на итальянском и немецком, проверяя знания и задавая неловкие вопросы. Но я всё это знаю. Проходила и не такое. Мне обещают перезвонить, как обычно, и больше никакой информации.

Только сидя в поезде, возвращаясь домой, я понимаю, что потратила впустую целый день. Я, скорее всего, не понравилась этому мужчине или же не произвела должного впечатления, потому что после такой стандартной процедуры они должны были спросить меня о моём видении работы с ними. Такого не произошло. Ладно, ничего, будет и другой шанс.

Через неделю я сижу на работе, качаясь в своём кресле и жуя крекер, когда звонит мой телефон, и в трубке слышится папин голос. Он нервно сообщает мне о том, что те наглые люди опять трезвонят домой и требуют меня, а моё сердце подскакивает от радости.

Оказывается, у них есть для меня предложение, и мне предстоит третий этап собеседования, потому что кандидатов было достаточно много, и они должны были встретиться со всеми, но выбрали меня! Боже мой! Мне плевать, что я уже приуныла. Моя грусть быстро улетучивается, и я, бросив работу, сразу же выезжаю в Лондон, чтобы встретиться с потенциальными нанимателями. Я оказываюсь в офисе только к девяти вечера, о чём предупредила заранее,

но они готовы были меня ждать. Значит, заинтересованы именно во мне, раз пошли на такие большие уступки.

Меня проводят в офис, и уже двое знакомых людей, девушка и тестировавший меня мужчина, встречают меня. В офисе больше никого нет, да и ночь уже за окном, но мне всё равно. На самом деле мне некомфортно, потому что не запомнила их имён, а бейджиков у них нет. Или же они их не называли. Не помню.

– Итак, мисс Браун, наша фирма занимается довольно узким направлением в сфере переводов, если так можно сказать. Мы работаем по всему миру, и наши топовые переводчики постоянно находятся в разных уголках планеты...

Киваю на слова мужчины, хотя внутри всё трепещет от волнения. Но я умею сохранять спокойствие. Моя мама чуть не умерла, а я держалась всё время, так что это для меня легко.

– ...та вакансия, на которую вы пробовались, уже занята. Мы взяли трёх человек для работы у нас в офисе в Лондоне...

Перевожу взгляд на девушку. Тогда зачем я здесь?

– Но, у нас есть другие вакансии, и в данный момент одна из них горящая. То есть мы очень срочно ищем человека, который готов переехать на год в Америку вместе с нашим клиентом.

В Америку?

– Наш клиент довольно влиятельный итальянский бизнесмен. В Нью-Йорк он едет вместе с семьёй по работе. Не волнуйтесь, он в возрасте, и здесь нет никаких намёков на что-то неправильное. Это серьёзный и уважаемый человек, который плохо понимает английский. А также он немного эмоционален, как и все итальянцы. Ему нужен профессионал рядом, переводчик и человек, который вовремя успокоит и не даст ему выйти из себя. Вы прекрасно проявили себя на собеседовании со мной. Вы собраны, наблюдательны и быстро схватываете информацию, умеете моментально реагировать в стрессовых ситуациях и не усугублять положение, как и знаете традиции англоговорящих стран. В Италии всё иначе...

– Да, – вставляет девушка, и я перевожу на неё взгляд. – А также для нашего нового сотрудника уже арендованы роскошные апартаменты на Манхэттене. В том же здании, где будет проживать клиент, чтобы всегда быть готовым и не тратить время на дорогу. Помимо этого, все расходы оплачиваются клиентом. Еда, рестораны, медицинская страховка, посещение музеев и даже в свободный день, который заранее обсуждается с клиентом, любое путешествие по Америке. Все транспортные расходы, перелёт и оформление документации мы берём на себя. Мы всё подготовим. Контракт будет действовать год. Потом, если обе стороны будут довольны итогом сотрудничества, его можно будет продлить и, конечно же, раз в три месяца вы сможете прилетать в Англию на пять дней, чтобы увидеться с родными. Мы понимаем, насколько психологически тяжело новичкам в этой сфере быть вдалеке от дома. И также мы отдаём предпочтение незамужним сотрудницам, чтобы всем было комфортно. Комфорт для нас очень важен, особенно наших сотрудников. Мы всегда на их стороне и добиваемся выгодных условий у клиентов в пользу наших профессионалов, фотографии которых, к слову, висят у нас при входе на стенде.

Как много информации.

– Мисс Браун, что вы ответите?

Бросаю взгляд на мужчину.

– У меня есть несколько вопросов.

– Да-да, конечно.

– Никаких интимных контактов, всё верно?

– Наш клиент женат и переезжает в Америку со всей семьёй. К тому же в договоре это будет прописано, и мы не поставляем товар. Мы работаем с людьми, всегда заботясь об их

безопасности, проверяем всё несколько раз прежде, чем начать работу. Вы можете не волноваться. Ничего подобного, только бизнес.

– Хорошо, – киваю я. – В чём будет состоять моя работа, кроме как помогать клиенту не выйти из себя?

– Вы будете присутствовать на всех совещаниях его компании, на всех закрытых заседаниях, на всех встречах, которые будут касаться бизнеса клиента. Именно для этого вы и нужны. Клиент беспокоится, что его могут обмануть, вы же, прекрасно зная английский, легко уловите подобный момент и сообщите о нём клиенту. Также клиент говорит исключительно на итальянском, поэтому вы будете переводить его слова другим людям. Личный переводчик, который в любой момент будет готов отстаивать права своего клиента. Вы будете рядом с ним в рабочее время, а вечером, если потребуется, то вас могут пригласить на ужин в ресторан, чтобы поужинать, вместе с его семьёй, и помочь не ошибиться в выборе. Ненормированный график, потому что всё здесь зависит от планов самого клиента. У него есть секретарь, с которым вы встретитесь в Нью-Йорке. Именно он и будет встречать вас в аэропорту. Так как он работает в Италии, то ему придётся уехать, предварительно передав вам все дела и настроив расписание. Повторюсь, что это горящая вакансия. Клиент прилетает туда пока без семьи на месяц на следующей неделе в четверг. До этого момента всё уже должно быть готово. Именно вам придётся его встречать в аэропорту и выполнять обязанности секретаря, переводчика и, не побоюсь этого слова, друга. Все наши путешествующие сотрудники всегда налаживают дружеские контакты с клиентами, которые в будущем им очень помогают, ведь мы работаем только с серьёзными бизнесменами.

Боже, это высший уровень. Я никогда не задумывалась о такой перспективе, но улетать из Англии...

– Цена вопроса? – спрашивая, уверенно встречаю взгляд мужчины.

– Клиент предлагает оплату исключительно вам на руки раз в неделю. Это сумма, которая не включает в себя ни еду, ни транспорт, ни страховку. Три тысячи долларов в неделю.

Чёрт... Господи... мамочка... огромные деньги.

– Хм, мисс Браун, вы скажите, какая сумма для вас будет комфортна? Предполагаю, что вы недовольны названной, – прочищая горло, добавляет он.

– Пять тысяч, – выпаливаю я. Лекарства нынче дорогие.

– У меня есть семья. Тем более меня здесь не будет, я фактически бросаю их. Можно сказать, что это моральная компенсация для них, – быстро объясняю.

– Хорошо. Мы обсудим это с клиентом и будем отталкиваться от его ответа, но обещаем, что сделаем всё возможное.

– Да и мне нужен аванс. Половина стоимости оплаты за неделю моей работы. Я оставляю здесь своих родителей, а они зависят от меня. Пока я буду ждать деньги, им будет сложно, – перебиваю его.

Знаю, что перехожу границы дозволенного. Но есть два варианта: они или согласятся, или откажут. Третьего не дано, так почему бы и не попробовать? Хотя меня берёт стыд от моего требования. Никогда не была настолько наглой.

– Мы вас услышали, мисс Браун. Ваши условия ясны. Если вы не возражаете, то мы заранее подготовили для вас документы и там же договор, чтобы вы могли всё изучить и дать нам ответ, пока будем уточнять информацию по поводу ваших условий, – мне протягивают папку, и я беру её. – Здесь вы найдёте всё, о чём мы сегодня говорили. Мы досконально описали ваши задачи и не только их. Когда мы придём к договорённостям двух сторон, то предоставим полное досье на нашего клиента, чтобы и с ним вы познакомились заранее. У вас есть ещё какие-то вопросы?

– Нет. Мне всё ясно. Спасибо.

– Что ж, мы были рады встретиться с вами и надеемся, что не в последний раз. Как только что-то прояснится, и у нас появится необходимая информация, мы с вами свяжемся.

Пожимаю обоим руки и направляюсь из офиса на улицу.

Держа в руках увесистую папку с документами и обдумывая предложенный вариант, я начинаю медленнее раскладывать всё услышанное по полочкам. Это довольно рискованно. Они психологически давили на меня, расписывая, как всё прекрасно, но всегда есть подводные камни. Раньше я работала в очень хорошей фирме, и у меня блестящее резюме. Никаких подвохов в жизни не встречала, но всё же, вернувшись домой и тихо пробравшись к себе, чтобы не обсуждать всё это с папой, начинаю изучать отзывы об этой фирме.

Два дня я копалась в интернете, ища хоть что-то подозрительное. Я изучила весь контракт и не нашла ни одной причины, почему мне стоит отказаться от предложения. Конечно, родители остаются одни, но ведь у меня есть брат и сестра. Тем более деньги мне предложили очень хорошие, даже без моих условий. Позже мне сообщили, что клиент идёт на всё, только бы меня заполучить. Ему понравилась моя кандидатура, и они отправили видеорезюме, которое я записывала у них в офисе.

Конечно, моя семья восприняла грядущий отъезд ужасно. Они не готовы к такому и опасаются за меня, но я настолько воодушевлена предстоящими переменами, что даже их сомнения не меняют моего решения. Я подписала все документы, уволилась с работы, и буквально вот-вот войду в новую жизнь. Лучшую для моих родителей.

Первый класс, невероятный комфорт, вежливость персонала, волнение и анкета моего клиента. Довольно милый старичок. А с пожилыми людьми ладить я умею. Вообще, умею ладить со всеми. Я неконфликтная. Скорее, тихая и исполнительная. Зачастую меня даже не замечают... но вот сейчас заметили, и я вижу Нью-Йорк из иллюминатора самолёта. Оказаться в Америке для меня раньше было мечтой и невозможными мыслями, а теперь вот она. Америка.

Ожидая секретаря в аэропорту, постоянно смотрю на наручные часы. Мимо меня проносятся люди, спешащие на свои рейсы. Я вижу слёзы радости в глазах встречающих, а за окном уже вечер.

Номер телефона, который мне дали в фирме, не отвечает. Он вне зоны действия сети, но я не унываю. Мне выдали новый мобильный и номер, так что ждать нет смысла. Утром всё будет яснее, ведь в офисе тоже никто не подходит к телефону. Не желая никого напрягать своими проблемами и недопонимаем, может быть, это я что-то упустила, ловлю такси, благо у меня есть пятьсот долларов, которые я себе оставила. Прошу таксиста посоветовать, где я могу переночевать за сумму в пределах ста долларов и получаю очень неприятный сарказм в ответ. Но меня всё же привозят к какой-то небольшой и немного обшарпанной гостинице. Выбирать не приходится. Ташу свой чемодан и выбираю самый дешёвый номер. Ничего. Завтра всё будет куда лучше.

Выскочив на грязную улицу, покупаю себе еду навынос и возвращаюсь в отель. На всякий случай пишу секретарю, что со мной всё хорошо, и мы, наверное, просто разминулись. Пробки в Нью-Йорке ужасные, мы ехали два с половиной часа до этого отеля, так что я прекрасно понимаю, что всегда есть объяснение случившемуся.

Неожиданно в коридоре раздаётся грохот. Жуя картошку, поднимаюсь со стула и озадаченно подхожу к двери. Топот ног. Наверное, это нормально. Это же дешёвая гостиница, кто-то выпил лишнего...

Дверь, чуть не прибив меня, отлетает в сторону. Охая, отскакиваю и прикрываю рот рукой. С ужасом распахиваю глаза, когда несколько мужчин в чёрных костюмах и масках без приглашения вваливаются в мой номер. Я даже не успеваю закричать или возмутиться такому

поведению, как один из них оказывается напротив меня, и шею пронзает боль, моментально бросая меня в темноту...

Глава 1

Тяжёлое дыхание срывается с моих иссушенных и покусанных губ. Голова гудит от боли. Темнота. Одна темнота вокруг.

Не знаю, сколько прошло времени с того момента, как те страшные люди ворвались в мой номер.

Не знаю, как долго я здесь нахожусь.

Не знаю, где я нахожусь.

Паника. Страх. Недоедание. Боль. Вонь. Слабость.

Это всё, что я знаю.

Я поняла, что оказалась здесь, в этом месте, как только открыла глаза. Хотя даже это было делать сложно. Тело не подчинялось мне. Оно было приковано к металлу. Темнота. Я только её и видела. Кандалы, сковывающие движения. Цепь. Лишь одно нижнее бельё на мне. Кричать бесполезно. Думать невозможно. Просто страшно. Это чувство не изменилось, когда из темноты раздался мужской голос. Он был сухим, обычным. Человек, прекрасно изъясняющийся на английском, сказал, что мне лучше сотрудничать с ними, иначе будет хуже. Меня постоянно клонило в сон, но с каждым пробуждением я всё же надеялась, что кошмар исчезнет. Нет. Остался. Мочиться под себя. Стыдиться этого. Я вся была связана. Порой я даже не чувствовала себя человеком, и голод давал о себе знать. Он сжимал желудок, вынуждая меня рвать желчью и стонать. Ни воды. Ни еды. Ничего. Абсолютная темнота.

Этот человек вернулся. Сквозь моё помутнённое, измученное сознание, я услышала лязг металла, а потом скрип открываемой двери. Клетка? Тюрьма? За что? Я не понимала.

Мне светили фонарём в лицо, и я безвольно позволяла трогать себя, изучать. Хватать мой подбородок. Кажется, я умирала от обезвоживания и голода. Не кажется... а потом он принёс еду. Нет, объедки. И было всё равно. Щупала пальцами миску и ела, давясь слезами. И затем вновь тишина и темнота. Сознание возвращалось, но думать всё равно было сложно. Слишком сложно. Мне дали минимум для поддержания жизни.

Кандалы пропали, и я отползла в угол, забившись туда, шепча всевозможные молитвы. Смех. Издевательство над этим. Мужчина был где-то далеко, разговаривая со мной. Нет. Это был его монолог. Он говорил, что теперь я принадлежу ему. Меня продали за хорошие деньги. Очень хорошие. Моя внешность и происхождение именно то, что хочет его клиент. И я согласилась на все условия, иначе моей семье будет очень плохо. Мало того, я умру, и они тоже.

Не такая я и дура, чтобы не догадаться, что никакой шикарной работы не было, и всё это просто пыль, пущенная в глаза. Потратить несколько тысяч против миллиона. Всё вставало на свои места. Я сотню раз слышала о подобном, но никогда не предполагала, что сама попаду в эту ловушку.

И вот теперь, касаясь пальцами решётки, за которой меня, грязную, вонючую и измождённую всё это время держали, мне становится ещё страшнее. Не за себя. За семью. Меня кормят дважды в день безвкусной кашей, а вода только из-под крана. В моей камере есть раковина, я её на ощупь нашла, а также унитаз. И пол. Спать... хотя я боюсь это делать, приходится там. Никто здесь не прибирает. Никто не приходит уже очень давно, чтобы поговорить со мной или хоть что-то сказать. Слышу только лязг металлической посуды и цепляюсь пальцами за решётку, чувствуя себя раненым животным, которое отловили и, лишив свободы, поместили в клетку. Хотя так и есть...

– Ты готова к обсуждению нашего дела, англичанка?

Вздрагиваю и сразу же поднимаю голову на голос, неожиданно раздавшийся из темноты. Он всегда приходит оттуда.

Я сижу у стены. Здесь безумно холодно. У меня всё болит, но я пытаюсь согреться, прижав ноги к груди, и, кажется, из-за этого задремала.

– У нас нет с тобой никаких дел, – тихо отвечаю. Умолять не буду. Никогда. Хотя я и в ужасном состоянии, но гордость не потеряю. Лучше смерть.

Ранее я, вообще, не подавала голоса. Его не было от страха и слабости. Да и сейчас организм в сильном стрессе. Он хочет жить. Разум хочет, чтобы жила моя семья.

– Я рассчитывал, что за полтора месяца ты поймёшь, у нас очень личное и важное дело, как и то, насколько важно, чтобы я был рад твоему поведению. Наверное, нужно снова оставить тебя подумать. Сколько ты в этот раз протянешь без еды и воды? А, может быть, мне следует заняться этими милыми мальчиками, которые довольно популярны у моих заказчиков. Старшему уже девять, как раз самый лучший возраст, чтобы воспитать...

– Чудовище, – шепчу, понимая, что он говорит о детях сестры. Они всё про меня знают. И если те люди, которые обманули меня, до сих пор находятся в Лондоне, то и моя семья в опасности.

– Благодарю, я польщён твоей оценкой моего ведения бизнеса. Но всё же время поджимает. Есть два варианта, или я насильно отдам тебя заказчику, и это скажется на твоём будущем, или ты пойдёшь добровольно и познакомишься с ним. От обоих вариантов зависит отношение заказчика к тебе и то, как долго ты проживёшь. Если выберешь первый вариант, то я буду по кусочкам присылать тебе твою семью, пока ты будешь учиться послушанию со своим новым хозяином. Он с радостью будет использовать эти части, чтобы ты выполняла то, что он захочет. А захочет он отомстить за твоё гадкое поведение. Если выберешь второй, то будешь учиться хорошим манерам и для своих милых старичков просто погибнешь. Исчезнешь. Растворишься. Они будут жить. Спокойно. Они даже деньги, в качестве компенсации за твою смерть, получают. Какой вариант тебе нравится больше? Ах да, вспомнил, есть ещё и третий вариант: я пушу тебя по рукам, а вся твоя семья умрёт, как и ты, в принципе, в конце своего путешествия. Если ты считаешь, что я шучу или же испытываю хотя бы грамм жалости, то...

Раздаётся хлопок, отчего я вся сжимаюсь и прислушиваюсь к тишине. И только моё дыхание вырывается тяжёлым туманом отчаяния с губ.

– У меня собралась целая коллекция таких вот дурочек, которые верят всему, о чём им говорят. Ровно девяносто девять из них решили проверить, есть ли у меня чувство юмора. – Жуткий смех разносится по пространству.

– На полу папка с фотографиями каждой из них. Перед тем как они решили поподробнее изучить третий вариант, во время его изучения, и после. Я даже дам тебе фонарик. – По полу что-то катится, и моих босых ступней касается холодный предмет.

Немедленно хватаю его и нажимаю на кнопку, чтобы увидеть лицо этого гада. Но его уже нет. Только решётка, ржавая решётка и стена. Перевожу свет от фонарика по всей камере и останавливаюсь на толстой папке.

Меня мутит только от одной мысли, что внутри неё находится, но я должна проверить. Раз я попала сюда. Второй... будет смертелен.

Подползаю к папке и рывком раскрываю её. Меня сразу же рвёт. Просто рвёт тем немногим, что осталось в желудке. Ужасные фотографии насилия и крови. Цепи и изуродованные тела. Их так много. Все молодые... а теперь мёртвые.

Полощу горло и беззвучно плачу. Слез нет. Только горечь и страх.

Снова тянутся долгие минуты, часы и дни тишины. Пока я спала на холодном полу, всё забрали: и фонарик, и папку. Мне преподали жестокий урок, и теперь вариантов у меня нет.

Рабство. Мы часто слышим о нём. Делаем вид, что его нет. Проходим мимо, ведь нас оно не коснулось. И я такой была. Честно не думала, что сама окажусь на этом месте. Я жила в небольшом городе, воодушевлённая своими успехами и встречами с хорошими людьми, абсо-

лютно забыв, что есть и плохие. Очень плохие гады, которые за нашими спинами творят нечто подобное. Я не думала... теперь уже поздно.

– Мне нужен ответ. Ты должна согласиться на всё добровольно. Ни одному заказчику не понравится, когда его рабыня истерит и впадает в безумство. Рабыни должны быть покорными, очень покорными и всегда благодарными. Ты готова пойти на это?

У меня горло сдавливает от сухости. Но на кону стоит жизнь моей семьи. Не уверена, что они будут живы, но на свободе и даже в рабстве я бы искала тех, у кого есть сердце, чтобы им помогли.

– Да, – отвечаю едва слышно.

Опять тишина. Только еда становится лучше. Намного лучше. Я даже получаю мясо, картофель, овощи. Меня откармливают, как скот, чтобы зарезать к ужину. Но я выполняю все условия. Я пошла на это по своей глупости. Именно еда, чистая вода, свежие полотенца, одежда, и даже носки дарят мне силы и чистоту разума. Горевать о том, что уже произошло, не в моих правилах. Нужно думать, как из этого выбраться. На самом деле я не знаю. Всё слишком пугает меня.

Я довольно давно потеряла счёт времени и не слежу за ним. Но отслеживаю звук шагов, направляющихся к моей камере, который слышу довольно часто, словно на меня приходят посмотреть в темноте. Я не подаю голоса, и посетители тоже. Так происходит несколько раз до тех пор, пока свет надо мной не включается. Он ослепляет. Глаза болят. Привыкать к нормальному освещению трудно. И я не могу этого сделать сейчас. Картинки размыты, вижу только темноту, что-то чёрное на лицах людей, поднимающих меня на ноги и тащащих к стулу. Маски. Они снова в масках, чтобы я не могла их опознать. Я это запоминаю. Много запоминаю, что могло бы мне помочь впоследствии.

– Итак, дело обстоит следующим образом. Мой клиент нетерпелив, и ты должна была начать свою работу с ним ещё две недели назад, но из-за твоей несговорчивости, мы опаздываем. Завтра тебя подготовят к встрече с ним. От твоего поведения зависит многое. Тебя отвезут в роскошный ресторан, в котором будешь покорно ждать его столько, сколько он захочет. А дальше всё зависит от тебя. Ты всегда будешь у меня на глазах. Одно неверное движение, и твоя семья окажется в аду. Нет, я придумал для них более интересную жизнь. Да, ты не ослышалась, жить они будут. Но вопрос как? Особенно маленькие мальчики и беременная женщина...

Боже...

– Я поняла. Всё поняла. Что от меня требуется? – произношу в темноту. Только надо мной горит свет, а люди уже исчезли, все, кроме одного. Он следит за тем, чтобы я не вставала со стула, словно нахожусь на допросе в самой паршивой тюрьме мира.

– Покорность, дорогая моя. Я продаю тебя ему. И теперь твоя жизнь в его руках. Все его желания. Все его мысли. Всё. Он сам тебе расскажет, зачем ты ему нужна. Меня это не интересует. Он хотел такую, как ты. Я ему нашёл англичанку. Чистокровную, как лучшая кобыла в моём стойле. Но это завтра, а сейчас приведи себя в порядок. Ты должна быть чистой перед встречей с ним.

Мужчина отталкивается от стены и выходит за решётку, запирая её.

Я напугана. Безумно хочу домой. Я боюсь за свою семью. Жена брата беременна, и они уже об этом знают. Моя семья у них на мушке. Ничего... я справлюсь.

Над грязной раковиной висит старое мутное зеркало, и я ужасаюсь тому, что вижу в нём. Это не я. Это незнакомка, которую я никогда не видела и не знаю. Хватаю полотенце и смачиваю его холодной водой, чтобы хоть как-то обтереться. Умываюсь, без шампуня мою волосы, которые в таком же отвратительном состоянии, как и вся я. На этом всё.

Я бы могла ударить деревянным стулом, когда ко мне кто-нибудь снова придёт, но они вооружены и опасны. Если я буду мертва, то моей семье это никак не поможет.

Сворачиваюсь клубочком в углу своей камеры и пытаюсь заснуть. Но сон не идёт. Мои мысли постоянно крутятся и не могут сосредоточиться на чём-то одном. Это убивает. Так продолжается до того момента, пока в мою камеру не входят люди. Их много. Они не разговаривают со мной, движением пистолета указывая мне сесть на стул. А потом меня красят. Да-да, я бы посмеялась, но жутко. Выходит, с ними работают и женщины. Боже, они же знают, на что обречены такие, как я. Они знают, что нас ждёт, и помогают этим чудовищам. Отвратительно на самом деле.

На голову мне одевают белый парик с длинными волосами. От него приятно пахнет, и это довольно качественные волосы... боюсь даже думать, откуда они взялись. Затем меня переодевают в короткое чёрное платье и ставят рядом туфли на высоких шпильках. Готовят проститутку. Других эпитетов происходящему здесь не найти. Я прекрасно знаю, какие фантазии могут быть у мужчин. Нет... на самом деле я могу лишь догадываться, потому что мой бывший парень был очень и очень нежен. Расстались мы по моей инициативе, ведь я не хотела создавать ему проблем, в которых утонула сама. А он просто отпустил и пожелал всего наилучшего. И больше не появился.

Меня подготовили настолько тщательно, вплоть до болезненной, унижительной эпиляции, что я уже не знаю, как нормально реагировать на происходящее.

Мне завязывают глаза и ведут куда-то. Очень долго. Туфли катастрофически неудобные. Меня держат за локти, и, наверное, благодаря этому я ещё не упала. Мы останавливаемся, и здесь пахнет намного лучше. Кожей. Дорогой мебельной кожей.

– Это наша последняя встреча, англичанка. Теперь у тебя нет имени. Ты никто. Ты будешь той, как тебя назовёт твой новый хозяин. Тебя будет сопровождать мой человек до тех пор, пока не передаст из рук в руки. Да, если хочешь пожаловаться клиенту на мои методы убеждения, то поверь мне, он в курсе. Он их тоже любит. Будешь умной девочкой, никогда больше камеру не увидишь. Глупые не живут долго. Прощай и помни, что я всегда рядом. Покажи своему Хозяину, что ты стоишь тех денег, которые он заплатил за тебя, как и за долгое ожидание. – Неприятный шлепок по моей щеке. Унижительный. Кривлюсь от этого.

Меня тащат дальше и запикивают в машину. Прислоняюсь к дверце, но сразу же чувствую, как мне что-то упирается в бок. Я даже боюсь предположить, что. Меня колотит от леденящего ужаса внутри. Подозреваю, что это пистолет. У них много оружия, я столько в жизни не видела. Да я его, вообще, не видела. А в последнее время слишком часто, чтобы даже ребром распознать оружие.

Не представляю, как буду себя вести дальше. Сейчас мне хочется вопить, кричать, умолять о пощаде, а не сидеть спокойно в машине, везущей меня куда-то. Паника внутри нарастает. Продать человека без его воли... ни о какой добровольности речи не идёт. Везде только угрозы и шантаж. Это насильственно. Это страшно. Не могу поверить, что какой-то человек готов за деньги вот так отдать то, что ему не принадлежит. Жизнь. Меня воспитывали иначе. Мой мир был абсолютно другим. Я так боюсь...

– А теперь без глупостей. Вокруг тебя будет много людей, ты же не хочешь, чтобы они пострадали? Сделаешь лишнее движение или скажешь лишнее слово, нам разрешено убрать всех, кто станет свидетелем твоей ошибки, – раздаются эти ещё более устрашающие слова после того, как машина остановилась.

Не могу даже слова из себя выдавить. С моих глаз снимают повязку, и я вижу рядом молодого парня. Его взгляд словно остекленевший. Он просто смотрит куда-то перед собой и ждёт дальнейших указаний. Огни большого города насмеваются над моей участью.

– По местам.

Дёргаюсь от резкого голоса шофёра. Он в маске, как и сидящий с ним рядом человек. А вот мой провожатый нет, и ему явно всё равно, что со мной будет дальше. Он равнодушно

выходит из машины и поправляет чёрный пиджак. Он так молод. Наверное, возрастом, как мой брат. Сколько раз он убивал?

– На выход, товар, – с ядом бросают мне.

Парень протягивает мне руку, и я сжимаю зубы. Только бы не совершить ошибку. Я найду вариант для спасения... клянусь, найду его. Ко мне возвращается умение держать свои эмоции под контролем. Я моментально собираюсь внутри, когда мои ноги ступают на землю. Кладу руку на сгиб предложенного мне локтя, и мы направляемся в самый роскошный ресторан, который я только видела в жизни. Перед нами распахиваются двери. Всё вокруг сверкает, блестит, а я... мне это не важно. Я натягиваю улыбку, предназначенную мужчине, провожающего нас к самому дальнему столику. Столько людей. Здесь ведь должен быть кто-то, способный помочь мне. Хотя бы кто-то... но все заняты лишь своими собеседниками. И если я попрошу о помощи, просто намекну хоть одному из них, то подвергну их смертельной опасности. Я уверена, что все угрозы будут исполнены.

Передо мной кладут меню. Кошусь на сопровождающего меня. Он словно запрограммирован, бесстрастно смотрит мимо меня вглубь ресторана, скорее всего, на вход.

– Я могу что-то заказать, пока мы ждём? В горле... сушит очень, – шепчу я.

Один кивок, и он поднимает руку, подзывая официанта. Я прошу воды, самой обычной воды. Мне нужна вода. Не знаю зачем... вода. Естественные процессы организма.

Едва мне приносят бокал с водой, как я залпом её выпиваю.

Туалетная комната. Там должны быть окна. Насколько это будет глупым с моей стороны?

– Я могу сходить в туалет... не одна... если надо... я... волнуюсь, – говорю, постоянно заикаясь и опасаясь отрицательного ответа.

Ещё один кивок. Он поднимается с места и предлагает мне руку. Боже, нет... надеюсь, что всё не настолько будет контролироваться. Мне нужен шанс... ещё один. Прошу. Умоляю. Дайте мне шанс.

Когда мы оказываемся у двери, то меня уже сильно трясёт от адреналина.

– Я могу одна? Или... могу я всё же одна? Это и так... унижительно... две минуты... – шепчу, понимая, что он собирается войти со мной.

Ещё один кивок.

Господи...

Стараясь казаться спокойной, вхожу в дамскую уборную, и мои глаза сразу же начинают искать хоть какой-нибудь выход. Окно. Оно небольшое. Узкое. Очень узкое и расположено высоко. Я миниатюрная и точно не дотянусь.

Оглядываюсь на закрытую дверь и несусь к мусорному ведру. Хватаю его и ставлю на пол. Поднимаюсь на него, толкаю стекло, и оно легко поддается, впуская в помещение прохладу. Так, давай.

Мои нервы на пределе. Если он заметит, то конец. Меня убьют. Всех убьют. Цепляюсь пальцами за раму.

– Я уже выхожу... ещё... немного... руки помою, – кричу и подтягиваюсь на руках. Кожу пальцев до боли царапают пластик и дерево, находящееся за ним. Но я пролезу. Ещё чуть-чуть... мои ноги скользят по стене, я карабкаюсь ими. От шума в голове и громкого сердцебиения кажется, что сейчас упаду в обморок. Нельзя...

Наполовину вылезая из окна, и теперь нужно как-то прыгать, головой вниз. Плевать. Делаю последний рывок. Моё тело глухо шмякается о бетон, и я скулю от боли в плечах и голове. Везде. Знакомый привкус желчи во рту.

Свобода... мне нужна помощь. Поднимаюсь и даже больше не чувствую боли. Никакой. Я просто бегу. На каблуках делать это крайне сложно, но я бегу. Вылетаю на тротуар и расталкиваю людей. Их машина стоит. Чёрт!

Огни высоких зданий мелькают вокруг. Калейдоскоп лиц перед глазами, а я бегу. Мне нужна помощь... до моего слуха доносится какой-то хлопок и затем крики людей за спиной. Меня заметили. Спрятаться. Затеряться.

Замечаю толпу людей. Клуб. Это какой-то клуб. Отлично.

Несусь туда и точно ждать я не могу. Замечаю небольшую группу девушек и пробиваюсь к ним под возмущённые возгласы...

– Это мои знакомые, – бормочу я.

Пожалуйста... шанс...

– Привет... прошу вас... помогите мне... мой бывший совсем рехнулся и гонится за мной. Хочу спрятаться в клубе. Возьмёте с собой? – быстро шепчу озадаченным девушкам.

Они оглядывают меня, а я смотрю назад и кусаю губу до крови.

– Эм... ладно

– Спасибо. Вам за это воздастся. Клянусь, что воздастся. Он псих... затеряться надо просто.

Оказываясь в тёмном и гроыхающем музыкой клубе, сливаюсь с толпой. Но меня выдаёт парик. Срываю его с головы и бросаю куда-то в сторону. Распускаю волосы и, закрывая ими лицо, двигаюсь в направлении барной стойки. Теперь чуть-чуть осталось, и я буду дома.

Мой взгляд бежит по людям. Я хватаюсь за стойку и постоянно оборачиваюсь.

– Мисс, вы хотите что-то заказать?

Поворачиваюсь к бармену. Он широко улыбается мне. Вот он!

– Помогите мне. Я прошу вас. Вызовите полицию. Меня похитили и собираются продать против моей воли. Я не лгу. Мне нужна помощь... прошу вас... позвоните в английское посольство. Я англичанка, меня заманили сюда... прошу вас... помогите мне, – говорю срывающимся голосом.

– Простите...

– Умоляю... это не шутка. Они похищают девушек и продают их... клянусь. Пожалуйста... всё что угодно сделаю, кроме продажи жизни. Я отдам вам все деньги... Я... прошу вас... у меня семья... они убьют её... у них оружие... Прошу вас... – умоляя, цепляюсь за его руку, лежащую на стойке.

Бармен хмурится и оглядывается.

– Пожалуйста... они убьют меня... они убьют...

– Тише-тише. Я сейчас вызову полицию. Будь здесь, хорошо? В этом клубе безопасно. Полиция приедет быстро...

Нервный смех срывается с моих губ, и я киваю ему. Он что-то говорит своему напарнику, показывая на меня. Тот сразу же подходит, ставит воду и протягивает салфетки. Я не понимаю зачем. Мои руки дрожат. Кладу их перед собой, и они трясутся от осознания того, что мне удалось избежать ужасной судьбы. Правительство же должно помочь. Они не дадут мою семью в обиду. А сколько не спаслось?

– Полиция уже едет. Давай, я проведу тебя в заднюю комнату, чтобы тебе было спокойнее? – Бармен возвращается и улыбается мне. Но я боюсь. Пусть этот человек и позвонил в полицию, но доверять ещё одному... нет...

Не знаю почему, но я оборачиваюсь. За спиной танцующая толпа. Барная стойка располагается на возвышении, и я вижу, как люди развлекаются, не замечая, что рядом с ними происходит.

– Эй... пошли. – Моего плеча касаются, и я вздрагиваю. Перевожу взгляд на бармена.

– Пошли, я проведу тебя. Ты, наверное, сильно напугана. Полиция вот-вот приедет. – Его голос, хоть и приглушённый басами музыки, льётся, как песня. Обманчивая песня...

Я убежала не так далеко. То чудовище хорошо зарабатывает, и я уверена его кто-то покрывает. Должен покрывать... никакой полиции не будет.

– Я...

Резкое и быстро движение привлекает мой взгляд. Люди в чёрном. Их много. Мужчины. Прорываются сквозь танцующую толпу. Они идут за мной...

– В туалет хочу. Очень. Умыться, ладно? – бормочу, отталкиваясь от барной стойки, и быстрым шагом иду, ища глазами уборную. Неужели, снова придётся это делать? Боже мой!

Вжимаю голову в плечи и замечаю толпу. Вот и туалет. Прохожу мимо людей...

– Вообще-то, мы не просто так стоим...

Поворачиваюсь к возмущающейся девушке, и она охает. Я не знаю, что с моим лицом сейчас не так, но видимо, всё плохо, раз она без слов пропускает меня.

Влетаю в забитый девушками туалет. Снова ищу глазами окно. В этот раз повезло больше. Оно шире и расположено не так высоко. Не обращая внимания на шокированные взгляды, ташу из освободившейся кабинки мусорный бачок и ставлю его к окну. Распахиваю окно. Мне что-то кричат сзади, но я сбрасываю туфли и прыгаю вниз. Ноги взрываются от боли. Приседаю, стискивая зубы. Нет. Я не потеряю этот шанс. Не сегодня. Никогда больше. Нет!

Вылетаю снова на тротуар...

– Я её вижу!

Бегу со всех ног. Меня преследуют. Они не стреляют, но бегут так же быстро, как и я. Залетаю в какой-то переулок и бегу дальше. Плутаю по тёмным улицам, слыша позади мужские крики. Их так много. Я больше не могу...

У меня нет больше сил. Моё тело в таком напряжении, что его начинает ломать. Людей вокруг стало меньше. Их практически нет, и я буквально на виду. Спрятаться. Скрыться. Переждать.

Толкаю большой мусорный бак и юркаю между ним и стеной. Жмурюсь и закрываю себе рот, чтобы никто не слышал, как я дышу. Меня продолжает трясти от страха. Надеюсь, что смогла ускользнуть...

– Проверь здесь, я пойду в следующий...

Нет... нет...

Поднимаю голову к тёмному ночному небу, и из уголков глаз текут слёзы. До боли стискиваю ладонью рот, прислушиваясь к медленным шагам. Свет фонаря позволяет мне увидеть его тень. В его руках пистолет, он крутит им то вправо, то влево.

Думай... думай...

Он шарит по мусору и отбрасывает его от себя.

Думай...

Убираю руку ото рта и делаю глубокий вдох. Слежу тщательно за тенью, и она уже подбегает ближе. Резко крышка распаивается. Мой шанс.

Прикладывая последние силы, толкаю металлический бак, который опрокидывается на этого козла. От неожиданности он нажимает на курок и раздаётся выстрел. В пустоту.

Отскакиваю от бака, придавившего человека. Я вижу только его руку, вытянутую по земле.

– Простите...

На сантименты и на раскаяния за то, что, вероятно, я его убила, времени нет. Я босиком иду дальше. Выглядываю из-за угла. Никого не вижу. Идти опасно. Хочется просто остановиться и ждать помощи. Но ей взяться неоткуда. Я должна успеть попасть в посольство. Там точно нет опасности ни для меня, ни для моей семьи.

Медленно иду по улице, и никого вокруг. Я не знаю этот город. Не понимаю, куда мне идти дальше. Вглядываюсь в витрины закрытых магазинов и понимаю, что, вероятно, угодила не в самый благополучный квартал. Здесь узкие улицы, а в домах горит свет, оттуда слышатся крики, смех, ругань, звук бьющейся посуды.

Останавливаюсь, чтобы перевести дух. Никто за мной больше не идёт. А я босая, в порванном платье, все руки в царапинах. Напуганная. Не знаю, будет ли хорошей идеей постучаться к кому-то в дверь или позвонить...

Облизываю губы и чувствую неприятный металлический привкус. Видимо, кровь. Боже мой... осталось ведь так мало до спасения, а я сдаюсь так быстро. Может быть, я человека убила из-за желания жить и не быть чьей-то рабыней...

– Здесь опасно гулять в одиночку, Белоснежка. Слишком много охотников.

Задерживаю дыхание. Голос раздался прямо за моей спиной. Тело моментально покрывается мурашками. Нет...

Медленно оборачиваюсь и вижу только очертание мужчины.

– Пожалуйста... мне просто нужна помощь... пожалуйста, – с губ срывается всхлип.

Я боюсь смотреть ему в лицо. Боюсь узнать в нём кого-то из тех, кто похитил меня. Боюсь, что это он. Покупатель моей жизни. Я боюсь...

– Прошу... – шёпотом добавляю.

Неожиданно мужчина протягивает руку. Она крепкая, сильная и в скудном освещении словно в чёрной перчатке. Хотя, может быть, это уже игра моего воображения.

Я должна уйти. Бежать. Кричать. Драться.

Я должна...

Моя ладонь осторожно касается его кожи. Она горячая. Мягкая.

Его пальцы так быстро обхватывают мою руку, что я успеваю лишь вздохнуть. Через секунду оказываюсь прямо в его руках, и мои глаза от ужаса того, что я натворила, распаиваются.

– Правильный выбор, Белоснежка.

– Нет... нет! Отпусти! Нет!

Упираюсь ладонями ему в грудь. Я дёргаюсь в этих сильных руках. Из горла вырывается крик, и сразу же боль пронзает всё тело. Всё вновь превращается в темноту, которую я успела возненавидеть.

Глава 2

Сухость во рту – первое, что я ощущаю, когда сознание возвращается ко мне. Открываю глаза и облизываю губы, саднящие от боли. Перед глазами пока всё плывёт, но я вижу над собой высокий потолок. В помещении много света, и оно мне незнакомо. Сажусь на кровати, разглядывая поистине роскошную спальню с камином, креслами, столиком и большой кроватью.

Мои воспоминания возвращаются. Замечаю на руке бинт. Он на сгибе локтя. Вены. Срываю его и вижу точку. Мне что-то вкололи. Боже мой... где я снова?

Хозяин... тот мужчина. Это он. Поймал.

Подскакиваю с кровати, одетая в незнакомые шорты и топик. Вся комната кружится, смешивая в голове мысли и воспоминания о прошедших событиях. Подлетаю к окну и пытаюсь распахнуть его. Стекло в нём мутное и какое-то странное. Невозможно рассмотреть, что происходит на улице. Дёргаю за ручки. Ничего. Они не поддаются. Двигаюсь вдоль по стене и распахиваю штору за шторой, пока не дохожу до двух дверей, ведущих на балкон, как я предполагаю. Они тоже заперты. Скулю, прижимаясь лбом к прохладному стеклу.

Поворачиваюсь и рассматриваю очень большую комнату, в которой сейчас нахожусь. Меня поймали, и теперь это новая клетка, но слишком роскошная для меня, после того, что я сделала. Тот человек говорил, что мне будет очень плохо, если я рискну... так в чём подвох? Должен быть подвох и довольно заметный. Подхожу к двери и мягко нажимаю на ручку. Конечно, заперто. Слишком глупо выпускать заложницу из комнаты. Прикладываю ухо к двери, за которой различаю звучащие очень глухо мужские голоса. Хмурясь, напрягаюсь сильнее, пытаюсь яснее подслушать разговор.

– Сообщи Боссу. Я пока займусь ей, и если...

Отскакиваю от двери. Чёрт... вот подвох. Вся эта комната, как пример того, где я могу быть, а дальше случится то, чего я и боюсь. Наказание. «Займусь ей» – это точно не обратный билет в Англию.

Никогда. Они до меня не доберутся. Нет. Снова пережить то, что было, я не смогу. Я всё это помню. Не забуду.

Паника такая сильная, она леденит кровь, полностью подчиняет себе рассудок, который желает одного – не отдать им себя живой. Мёртвый товар никому не нужен. Выход только один. Других нет. Значит, так и будет. Я не боюсь.

Ношусь по комнате, ища хоть что-то, способное мне помочь. Но здесь нет ваз, нет стекла, кроме окон, но их не разбить, только кресла, стол, кровать, тумбочки, раздвижные двери. Всё.

Моё сердце подскакивает куда-то к горлу, когда я слышу, как в замке поворачивается ключ. Срываюсь на бег. У меня вновь не так много времени. Влетаю в ванную и кружусь. Зеркало. Есть зеркало.

Закрываю дверь и поворачиваю ключ в замке. Может быть, выиграю время. Но в ванной нет ничего тяжёлого, кроме мусорного ведра, да и то из пластика. Мой взгляд натывается на стаканчик из мрамора для зубных щёток.

– Мисс...

Ручку двери дёргают.

Хватаю стаканчик и изо всех сил ударяю им по зеркалу. Оно трескается.

– Ломай дверь!

Бью снова и снова, как и те люди, что находятся за дверью. Дерево трещит, стекло падает в раковину, и я хватаю осколок. Отбегаю в сторону, когда дверь с грохотом падает на пол.

– Нет... нет... стой...

Поднимаю голову на мужчину в чёрном. Он, не скрывая своего лица, делает шаг ко мне, но я прижимаю стекло к запястью.

– Не делай этого. Тебе здесь ничто не угрожает... – Выставив руку перед собой, он снова делает шаг ко мне. За его спиной куча мужчин.

Не верю. Больше не верю...

– Мне плевать, убьёте вы мою семью или нет. На небесах мы с ними встретимся, – шепчу, уверенно встречая взгляд ещё одного чудовища.

Нажимаю на стекло, и запястье пронзает от боли. Кровь быстро стекает по ладони. Раздаются крики, но я подношу стекло ко второй руке. В этот момент меня буквально сносит с ног. Я больно падаю всем телом на мраморный пол и скулю от боли. Из моей руки метким движением выбивают стекло.

– Отпусти! Дай мне умереть! Ненавижу! – кричу и бью нападающего. Он лежит на мне, придавливая всем телом. Ловит мои руки и зажимает разорванное запястье.

– Глупо. А сейчас тебе будет, правда, больно.

От ужаса распахиваю глаза. Он на секунду отпускает мои руки, и его пальцы смыкаются на моей шее. Я даже ничего не делаю. Убьёт, так и ладно. Расслабляюсь, и раскат болезненного разряда проходит по всему телу, а потом задерживается в голове, погружая всё в темноту.

Наверное, можно сказать, что моя жизнь стала постоянными качелями: я то выныриваю из темноты, то вновь и погружаюсь в неё. Я словно плохая пловчиха, которая захлёбывается водой и не может сделать уверенный взмах руками, чтобы, наконец-то, выйти на финишную прямую. Вода – моя тьма. Вроде бы я рискнула, практически добралась до спасения, но слишком быстро сдалась. Остановилась. Вот в чём моя ошибка – я чересчур осторожная и слабая для того, чтобы совершить решающий рывок. Так было всегда. Даже на работе меня вполне устраивали мои должность и зарплата, хотя было несколько возможностей продвинуться вверх по карьерной лестнице. Я осталась на том же месте. У меня был парень, который созрел для семьи и делал довольно откровенные намёки на совместную жизнь до гроба. Да и здесь я придерживалась решения не торопиться. В итоге нерасторопность привела меня к очередному выныриванию из проклятой темноты.

Я не чувствую рук, не могу ими пошевелить. Хотя стараюсь. Издаю тихий стон от боли в совсем затёкшем теле и приоткрываю глаза. По ним мягко ударяет приглушённый свет. Снова дёргаю руками, но они раскинуты в разные стороны и немного приподняты.

Поворачиваю голову и замечаю, что нахожусь в той же спальне, что и раньше, и вижу, что мои запястья скованы странными наручниками. Они большие и кожаные. Изнутри мягкие, полностью закрывающие запястья, и прикованы короткой цепью к резному изголовью кровати. Теперь причина затёкших рук ясна.

Меня привязали. Вот и начался мой ад. Я не умерла. Не смогла. Я в сотый раз сделала заминку. Когда жизнь меня чему-то научит?

Тяжело вздыхаю и поворачиваю голову, смотря на потолок. Меня немного тошнит. И сухость во рту ужасная, а вокруг темно. Скорее всего, за окнами ночь, потому что ранее было светло.

Я не знаю, что...

Мои мысли обрываются, когда до меня доносится какой-то шорох. Приподнимаю голову и сглатываю от ужаса. Я не одна в этой спальне. Вот он... тот, кто будет моим новым мучителем. Боже мой...

Мужчина в чёрном костюме и белоснежной сорочке приближается ко мне. Его тёмный взгляд прикован к моему лицу. Каждый его шаг подобен походке зверя. Я даже дышать не могу нормально, смотря на него. Каштановые пряди волос разбросаны на макушке, и одна из них падает на его нахмуренный лоб. Резко выделяющиеся скулы немного покрыты тёмной щетиной, но взгляд...

– Нет... пожалуйста...

Шепчу, дёргая руками, хотя это довольно сложно. Мне не вырваться из этих оков, не бежать от него, не спрятаться. Вот он. Я знаю, интуитивно чувствую, что этот мужчина опасен. Очень.

– Белоснежка снова перепутала тропинку. – Меня обдаёт холодом, исходящим от его спокойного, мягкого голоса.

Больше не двигаясь, изумлённо смотрю на мужчину. Я знаю этот голос. Это был он. На улице. Тогда он протянул мне руку.

Незнакомец садится на край постели и немного склоняет голову набок, словно изучая меня.

Меня пугает то, что он молчит. Тишина может быть очень страшной, особенно когда рядом вот такой человек. Она убивает. В ней теряешься в догадках, что будет дальше.

– Почему ты не дал мне умереть? Сам хочешь убить? – обретая голос, цежу я.

Он улыбается, хотя это странно.

– Здесь вопросы задаю я, Белоснежка. Но раз ты моя гостя, то сделаю вид, что не оскорблён твоим поведением, и отвечу на твои вопросы. В мои планы не входит твоё убийство, – он делает паузу и наклоняется ко мне. – Пока не входит, но я быстро устаю от женских истерик. Запомни это. Я не терплю их.

Боже мой... у него карие глаза. Расширенные зрачки и карие глаза. Они похожи на корицу. Пряные. Глубокие. Пугающие.

Сглатываю и вжимаюсь всем телом в матрас, только бы быть от него подальше.

– Что ты хочешь от меня? – шепчу.

– Слишком много, чтобы тратить время на разговоры. Слишком мало, чтобы поскорее начать. Ты помнишь, по какой причине тебя приковали?

– Чтобы не сбежала от тебя. Ты меня купил. Ты тот самый... плохой человек, – отвечаю и, поджимая губы, гордо вскидываю подборок, вновь вызывая на его лице улыбку. Станный какой...

– Я тебе напомню, Белоснежка. Освежим твою память, – вкрадчивый голос раздаётся прямо рядом с ухом, и я чувствую, как что-то касается моего локтя. Это его палец. Он вычерчивает им какой-то рисунок, пока я напряжённо глотаю воздух. А затем резкая боль пронзает всё тело.

Выгибаюсь и приоткрываю губы в немом крике. Господи... Боже мой...

Незнакомец с силой надавливает пальцем под манжетами кандалов и давит на рану на запястье.

Кусаю нижнюю губу, сильно жмурясь. Я не закричу. Не завою. Не подам голоса. Я вытерплю...

– Память вернулась? – Он убирает руку. Открываю глаза и, часто дыша, смотрю на него.

– Жаль, что я... не додумалась этого делать с горлом... мне не страшно, ясно? Я не боюсь. Смерти тоже. Даже если ты убьёшь мою семью, то я с ними встречу на небесах. Мёртвой. Любым способом, – выдавливаю из себя.

Он закатывает глаза и недовольно цокает.

– Предлагаю обойтись без таких жертв. В данный момент это скучно. Поэтому, Лавиния Браун, перейдём к обсуждению этого вопроса, – он замолкает, поднимаясь с кровати, и отходит в сторону. Знает моё имя. Знает всё о моей семье. Знает...

– Я не тот ублюдок, который должен был тебя купить.

Недоверчиво приподнимаю брови.

– Я связана, – шёпотом напоминаю ему.

– Ах да, так и есть. Но в своё оправдание скажу, что ты так кажешься куда привлекательнее, чем истерично дерясь со мной, так что останешься в таком виде. Я наслаждаюсь, – ухмыляясь, он окидывает взглядом моё тело и останавливается на лице.

– И после этого я должна поверить, что ты не он? – прищуриваясь, спрашиваю.

– Прими это как данность. У меня немного странное чувство юмора и такие же странные предпочтения. Но вернёмся к тебе и к тому, по какой причине ты прикована к кровати. Если ты пообещаешь мне, что не рискнёшь ещё раз пытаться себя убить, то я освобожу твои руки.

Я абсолютно сбита с толку. Он что, не слушал меня? Я же сказала, что он никогда не доберётся до меня.

– Тогда я предпочту быть связанной, – уверенно отвечаю.

– Даже так? – На его лице снова появляется улыбка. Она украшает его, но я не имею права давать этому человеку такую хорошую оценку. Он плохой, лжец и извращенец. Измывается над незащитными девушками. Он...

– Думаю, нам с тобой будет крайне весело вдвоём, но до этого ещё далеко. Что ж, я понимаю, что ты мне не веришь. – Его тон становится серьёзным. Он засовывает руки в карманы брюк, и я перевожу взгляд на его пах. А он дёргает им вперёд, раскачиваясь на месте. Боже... скидываю взгляд к потолку. Мои щёки сразу же вспыхивают от стыда.

– Я не тот мудака, к которому ты должна была попасть. Я другой мудака, который тебя перехватил.

Шокировано смотрю на его лицо. Как это понимать?

– Пока ты отдыхала, я вычислил тебя по базе данных. Ты въехала в страну двадцать пятого марта. А также могу тебя заверить – вся твоя многочисленная семья жива и невредима. Но будет ли она такой и дальше, теперь зависит от тебя и твоего желания сотрудничать со мной. Я тот, кто собирается поймать этого мудака и подвесить за его сухие яйца. Так понятнее, что я намереваюсь сделать, и почему мои люди предотвратили твою смерть?

Облизываю сухие губы, не веря в то, что риск всё же был оправдан. Я не доверяю этому человеку, потому что от него исходит странное влияние. Оно подавляет и пугает меня.

– Ты полицейский? – хрипло уточняю. Голоса нет. Очень хочется пить.

Он прыскает от смеха.

– Пусть будет так.

Цокаю и закатываю глаза.

– Ты связал меня, чтобы я себе не навредила, а разве ты мне не навредил? – делаю ещё одну попытку докопаться до истины.

– Хм... вряд ли я могу назвать это вредом, ещё никто не жаловался. Но пусть и здесь будет именно так, как ты говоришь. Белоснежка, тебе надо запомнить ещё одну истину про меня, – незнакомец снова подходит ко мне и наклоняется ближе. – Я не покупаю женщин, чтобы трахать их. Я трахаю их бесплатно в любое время суток и не плачу им за то, чтобы причинять боль. Они умоляют меня об этом. Я не примерный мужчина, я мудака и трахаюсь точно так же.

Сколько ругани. Мать Божья.

– Услышала меня?

Быстро киваю. Уж точно не хочу, чтобы он повторял.

– Хорошо. Итак, я не тот, кто тебя похитил, тебе относительно повезло, и хочу знать, как тебе удалось спастись. Поэтому будь хорошей девочкой, Белоснежка, пообещай, что останешься жива и я помогу тебе. – Его палец проходит по моей щеке. Дёргаю головой, не позволяя ему такой вольности. Раз он убеждает меня в том, что не чудовище, то зачем тогда меня трогать?

Поджав губы, он цокает языком и качает головой.

– Мда, с тобой будет очень весело. Согласна?

– Я обещаю, что не причиню себе вреда, если ты не причинишь мне боли...

Он быстро мотает головой и улыбается.

– Нет-нет, Белоснежка. Я клянусь, что причиню тебе боль. Много боли. Так много, что ты не сможешь жить без неё. Так что сойдёмся на том, что здесь я ставлю условия.

– Что ж, мистер, тогда предпочту остаться всё же связанной, – шиплю, чётко выговаривая слова.

Наши лица сейчас так близко, что я замечаю шрам у него на носу, который немного искривлён, словно был сломан. И ещё два шрама на лбу. Тонких. Практически незаметных.

– Мать твою, Белоснежка, ты просто клад неизученного материала, – смеясь, говорит он, похлопывая меня по щеке.

Мне неприятно, что со мной так обращаются. Я снова дёргаю головой и бросаю на него злой взгляд, сдувая прядь волос с лица.

– Ладно, поиграли и хватит. – Его тон резко становится настолько ледяным, что я вся сжимаюсь. Его пальцы обхватывают моё лицо за подбородок. Взгляд превращается в острый осколок венецианского стекла.

– У меня не так много времени, как и у тебя. Уже год я пытаюсь разгадать эту схему и поймать этого сукиного сына за шкуру. А пока поймал лишь трупы. Женские трупы, раскиданные по всей моей территории. И вот ты, одна из тех, кто мог бы лежать мёртвой в канаве, но ты жива. Раз жива, то поможешь мне, а я помогу тебе. Всё просто. Я буду трахать тебя, ты будешь отвечать мне стоном. Грёбанный год я ищу зацепки. Ты моя зацепка, и если считаешь, что я дам тебе возможность тянуть время и играть со мной, то подумай ещё раз. Пока показываешь характер, у него в лапах находится ещё одна невинная девушка, такая же, как ты. У неё есть семья. Она напугана. Она прошла то, что прошла ты. Хочешь, чтобы она умерла насильственной смертью? – рычит он.

– Нет...

– Хорошо. Я вот тоже не хочу. На одном мы сошлись. Поэтому начнём общаться на ту тему, которая нравится мне. Ты поняла меня, Белоснежка? Чем быстрее поймаю эту мразь, тем меньше будет трупов, и я, наконец-то, очищу свою территорию. Ты лишь представь, что будет с той запуганной девушкой, у которой не хватит духа и ума сбежать, как у тебя. Ты настолько бесчеловечна?

– Нет... нет... я не хочу, – шепчу, чувствуя, как начинают гореть глаза от накатываемых слёз.

– Отлично. Значит, мы договорились. Ты единственная выжившая из всех. Находишься в моём доме. И ты же будешь той, кто поможет мне прекратить это. Мы договорились?

Быстро киваю. Он отпускает меня. Челюсть болит. Двигаю ей.

– Как тебя зовут? – шёпотом спрашиваю его.

Он бросает на меня взгляд, пока тянется к одной руке, чтобы отцепить меня.

– Лазарь.

– Лазарь? Никогда не слышала такого имени.

– Некоторые называют меня Лазарро.

– Лазарро, – повторяю его имя, и оно мне нравится. Оно мягче, чем Лазарь. Оно приятнее. Таинственнее. Оно его.

Мои руки безвольно падают на кровать. Издаю стон от боли, но сразу же кусаю губу. Не нужно было себя выдавать, но я не специально.

Лазарро подхватывает меня за затылок и резко сажает, отчего голова кружится, как и всё плывёт перед глазами. Непроизвольно вновь издаю стон.

– Белоснежка, ты осторожней, я привыкнуть могу.

Хмурясь, бросаю на него расфокусированный взгляд. Тошнота вновь подкатывает к горлу. На лбу выступает пот.

– Ещё пару минут и придёшь в себя. Кровь прильёт к рукам, а с тошнотой легко справиться еда. У тебя сильное обезвоживание и нехватка многих витаминов. Мы осмотрели тебя

и сделали анализ крови. Физического насилия не было, кроме кандалов. Зажившие царапины оставили белые следы на твоей и без того белой коже. А по анализам у тебя едва различимая грань. Поэтому предлагаю поужинать. – Лазарро легко хлопает меня по спине, отчего я немного подаюсь вперёд.

Они не накачивали меня наркотиками, а проверяли состояние моего здоровья. Когда зрение нормализуется, я поднимаю взгляд на Лазарро. Он что-то пишет в мобильном, а потом убирает его. Поймав мой взгляд, словно выдавливает из себя улыбку, и я отвечаю тем же, отчего он сразу же поджимает губы.

– Спасибо, – тихо произношу.

– Прости, я ослышался? – спрашивая, приподнимает брови в недоумении.

– Нет. Я благодарю тебя за то, что ты появился вовремя. Если бы не ты, меня бы поймали. И ты... немного странный. Я таких людей не встречала, но очень, всем сердцем благодарна за то, что ты сделал для меня. Возможно, ты хороший человек. – Надо же, как много я сказала. И дыхание не перехватило. Даже страха не было. И к рукам вернулась чувствительность.

– Ну да... хороший... возможно, – бормочет он, направляясь к столику.

– Белоснежка, время сна прошло. Тащи свою задницу ко мне.

Дёргаюсь от его грозного голоса.

– Почему так грубо? – удивляюсь я, а он ещё больше.

– Всё просто. Мне нравится, когда грубо. – Лазарро указывает взглядом на кресло.

Может быть, в Америке у всех так принято говорить? Жаргоном. Не знаю и не узнаю, потому что времени не было и не будет. Не хочу. Домой только хочу. К своей семье.

Глава 3

Сажусь в кресло, а он напротив. Я умею ладить с людьми, даже проходила курсы, но с этим человеком сложно. Он сверлит меня взглядом, от которого становится не по себе. Вроде бы он сделал доброе дело для меня, но есть в нём что-то такое, не позволяющее мне рядом с ним расслабиться, полностью довериться.

– Я не могу тебе верить, – повторяю свои мысли.

Он усмехается и окидывает взглядом электрический камин и пустую полку над ним.

– Ты уже мне веришь, Белоснежка. Когда вложила свою ладонь в мою, ты поверила. Врать себе не стоит. Только время потеряешь на ненужные хлопоты с разумом. Принимай ответственность за свои поступки и не лги мне. За это я могу наказать. Я мудак, не забывай.

Охаю от его ответа.

– Но... а как же страх? Разве, когда человек напуган и пережил то, что я, он не будет искать помощи у любого прохожего? Можно ли назвать это доверием? – тихо интересуюсь.

– Не важно, когда и где, как и почему. За каждый свой шаг отвечай. Не разочаровывай меня, Белоснежка. Ты веришь мне. Не на сто процентов, но с этим мы поработаем. – Лазарро приподнимает уголок губ, словно давая мне странное обещание, которое я, откровенно говоря, не понимаю. Мне ещё страшно, но я надеюсь... до сих пор надеюсь на что-то лучшее.

Дверь открывается, и входит мужчина. Он везёт за собой тележку с едой и разными бутылками. Я помню его...

– Босс, – произносит он и протягивает Лазарро бокал с алкоголем. Даже отсюда чувствую аромат. Затем ставит передо мной такой же, большую тарелку с мятой картошкой и мясом, рядом приборы, бокал с водой и свежий салат.

Мой желудок сворачивается от голода, и это слышат все. Я краснею от стыда и опускаю голову. Боже мой...

Когда мужчина уходит без каких-либо слов, я просто боюсь смотреть на Лазарро.

– Сначала бренди. Залпом. Это поможет тебе. Просто доверься, – подаёт он голос.

– Но я... не пью такие крепкие напитки. Правда. Я очень благодарна за ужин, он потрясающий с виду, но...

– Белоснежка, пей. Дважды не повторяю, – отрезает он, наблюдая за мной.

Сглатываю и тянусь дрожащей рукой к бокалу. Полагаю, что спрашивать про отраву будет глупо. Да и Лазарро злится. Он явно недоволен тем, что я медлю. Ладно.

Делаю так, как он сказал, точнее, приказал, иначе его тон не описать. Алкоголь обжигает желудок. Я кашляю, на глазах выступают слёзы.

– Почему? – выдавливаю из себя.

– Благодаря алкоголю ты сможешь съесть больше. Аппетит усилится, а тебе нужно хорошо есть. Еда, как лекарство. Получше, чем таблетки и сиропы, – отвечает, пожимая плечами, и делает небольшой глоток из своего бокала.

– Подожди десять минут, пока организм сможет принять пищу. А пока рассказывай, какого хрена ты попала в это дерьмо?

Кривлюсь от его жаргона.

– Сначала уточним. Ты полицейский, который хочет поймать плохого парня. Я жертва, которую ты спас. Моя семья жива, и я вернусь домой, как только всё расскажу. Да? – произношу я.

Лазарро прочищает горло и снова цокает языком.

– Твоя семья жива. В данный момент за ними наблюдают мои люди, и к ним никто не приблизится...

– Господи, это ты сделал для меня? Я тебе буду век благодарна, – вставляю восхищённым шёпотом. Он озадаченно смотрит на меня несколько секунд, а затем его взгляд снова становится обычным.

– Мда. Насчёт твоего возвращения. Здесь всё немного сложнее. Для начала я хочу всё знать. Любые нюансы. Описания. Всё. Буквально всё. Прямо сейчас. Потом я отвечу на твой последний вопрос.

Киваю ему, понимая, как для Лазарро важно не дать ещё одной девушке угодить в лапы чудовища.

Я начинаю свой рассказ. Во всех деталях описываю офис в Лондоне, адрес, даже телефоны вспоминаю. Затем перехожу к Америке и к тому, как я попала в клетку. Про девяносто девять погибших девушек и их фотографии тоже говорю, вновь испытывая жалость к ним, как и тошноту от застрявшей в голове картинке. И в конце рассказываю, как сбежала и оказалась у него.

– Он был под наркотиками. Новичок. Я их изловил достаточно, чтобы знать, что он ничего не скажет. Он или уже мёртв, или вот-вот умрёт от передозировки, – мрачно произносит Лазарро.

– Его взгляд был стеклянным. Парень словно был запрограммирован, но мне, наверное, повезло, раз он не хватился меня сразу же...

– Когда ты выпрыгнула из окна головой вниз, то получила сотрясение и приличную шишку? Да. У него была заторможенная реакция на происходящее. Этот убудок рассчитывал, что всё пройдёт, как обычно. Ты была достаточно напугана, как и другие. После показательного урока все ломались и готовы были сделать всё что угодно за еду и воду, как и спасти свою семью даже ценой собственной жизни. Они настолько сильно боятся, что даже дышать стараются незаметно. Психологическое давление в таких схемах. Иногда даже мужчины не выдерживают, не то что женщины. Ты смелая, Белоснежка, но пирожки до бабушки так и не донесла.

Непонимающе тарашусь на него. Он вроде бы похвалил меня, но в его голосе сквозит разочарование. И разве Белоснежка несла кому-то пирожки?

– Я сбежала. Ни одна до этого не сбежала, по твоим словам. Так что я боролась за свою жизнь, – обиженно говорю.

– Хочешь бороться дальше?

– Конечно. Я вернусь домой и заявлю в полицию на этот офис, как и на его работников. А их было много. Их посадят, – уверенно киваю.

– Белоснежка, – Лазарро смеётся и качает головой. – Ты понимаешь, насколько воняет то, во что ты вляпалась?

– Я...

– Ты считаешь, что раз эта мразь спокойно продаёт и убивает девушек, позволит тебе жить дальше? Ты же не тупая.

Поджимаю губы от его слов.

– Послушай, я понимаю, что ты ещё в шоке и не можешь полноценно и разумно мыслить. Но, блять, возьми себя в руки...

– Хватит ругаться, – прошу я.

Он делает глубокий вдох и выпивает залпом свой бренди. С грохотом ставит бокал на стол, отчего я подпрыгиваю.

– Ты остаёшься здесь.

Испуганно поднимаю на него взгляд.

– Что? Но ты же сказал, что я буду свободна. Ты же...

– Я не говорил такого. Я всегда взвешиваю свои слова, Белоснежка. Но раз ты упрямисься, то хорошо. Объясню тебе всё, как идиотке. Ты попала в схему, которую практикуют год, и она приносит огромные деньги. Я говорю об оборотах в миллиарды долларов. После раб-

ства находили трупы, от которых практически ничего не осталось. Куски мяса, да и то сожжённые или облитые кислотой...

– Не надо, – прикрываю рот, чувствуя очередной приступ тошноты.

– Это дерьмо работает не один. У него есть крыша и довольно хорошая, раз зацепок даже я найти не смог. И вот появляешься ты. Мне сообщают, что жертва, описывающая то, что меня волнует, практически в моих руках. Я вытащил тебя из паршивого района. Ты помяла моего человека...

– Я извинилась перед ним... и не знала ни тебя, ни того, что это твой человек, – шёпотом вставляю.

– О-о-о, мать твою, – Лазарро закатывает глаза.

– Слушай меня. – Он ударяет кулаком по столу.

Снова подпрыгиваю на месте. Страх моментально возвращается. Я сжимаюсь в кресле, затравленно смотря на Лазарро.

– Чёрт, Белоснежка, я... хм, хорошо. Успокойся, – он меняет тон и опирается о подлокотники, чтобы встать, а я сильнее вжимаюсь в кресло.

– Ладно. – Опускается на место.

– Дело дерьмо. Я должен поймать его, пока он снова не выкинул очередной труп на моей территории. Это ослабляет мой авторитет, понимаешь? Ты жива. Ты жертва этого мудака и ты жива. Если выйдешь за ворота без меня, будешь мёртвой. Правительство в деле. Они ничто, по правде говоря. Твоя схема не сработает. Никто не даст тебе свободу. Ты уже продана. Ты рабыня. Он тебя такой и видит. К слову, не только он. И он вернётся за тобой. Живой или мёртвой. Он закончит своё дело. Хочешь этого?

– Нет...

– Тогда тебе нужно выбрать. Я никому не даю выбора, но тебе дам, потому что хочу, чтобы ты добровольно решила помочь мне, себе и своей семье. Понимаешь меня?

Киваю.

– Он найдёт тебя, где бы ты ни была. Ты не спрячешься от таких людей. Они везде тебя найдут. Они выманят тебя хитростью, а у тебя слишком много слабостей. Твоя семья – главная. Слишком много людей. Я со своей стороны готов их защищать, пока ты помогаешь мне. Поймаю сволочь, опасности не будет. Услышала?

Снова киваю.

– Поэтому я предлагаю тебе по собственному желанию остаться здесь, со мной, чтобы вычислить эту мразь. Я предоставлю тебе охрану. Они будут всегда рядом, как и я. Только со мной ты будешь выходить из этого дома, а я умею постоять за себя. – Лазарро лёгким жестом откидывает полы пиджака, и там я вижу кобуру с пистолетом. Боже мой...

– У нас не так много времени. Клетка никогда не бывает пустой, Белоснежка, в ней уже другая. Но она будет там дольше, чем ты, пока он не уничтожит улики. Ты его улика, за которую он лишится жизни, но не так быстро, как хотел бы. Сбежав, ты поставила под угрозу весь его бизнес и всех его клиентов. А если учесть, что за девушку платят не меньше миллиарда долларов, тем более тебя подбирали по внешности и согласно пристрастиям клиента, то его сожрут со всем дерьмом его же улыбочивые друзья. Он этого не может допустить.

– Я поняла это... но что я могу сделать? Я жертва, – сдавленно шепчу.

– Ты можешь многое, если захочешь, Белоснежка. Моё предложение следующее. Ты остаёшься здесь, в Америке, рядом со мной. У тебя нет документов, они уже уничтожены, как и твои вещи. Появляться в посольстве гиблое дело. Тебя перехватят раньше, чем ты появишься на пороге. Он знает, что ты на свободе, но без денег и крыши над головой долго не протянешь. Он не знает, что ты у меня. И именно на этом я собираюсь играть. Он не приблизится к тебе, пока ты будешь рядом со мной. Скажем так, он в курсе, что со мной лучше не шутить. А раз ты здесь, то я слышал твою историю. С твоей помощью я выманю его и его поделщиков. Они

придут за тобой, и тогда им будет очень весело. – Коварная, хищная улыбка появляется на лице Лазарро.

– Подожди, то есть я буду приманкой? Ты что, собираешься выставить меня на улицу и ждать, когда он придёт за мной? У них много оружия. Не могу вспомнить точное количество, но у каждого из них был автомат. Самый настоящий автомат. Они похожи на боевиков из фильмов. Они...

– В общем, думай, – перебивает он меня с таким видом, словно мои слова пустые, и поднимается из кресла.

– Есть два варианта: спасти себя или убить всех твоей же рукой, Белоснежка. Ты можешь остаться со мной и выходить на улицу без угрозы для жизни. Я их к тебе не подпущу, но ошибку они обязательно допустят. Или же я могу просто открыть тебе дверь, разрешив отправиться на все четыре стороны, как и сниму наблюдение за твоей семьёй. В любом случае я останусь в плюсе, – произносит он, пожимая плечами, и направляется к двери.

– Лазарро, ты не можешь оставить меня одну, – испуганно подаю голос. Оборачиваясь, он недоумённо выгибает бровь.

– Я... я... боюсь. Если твой план не сработает, и моя семья пострадает? Если...

– Твои «если» не имеют никакого смысла. Думаю, одиночество пойдёт тебе на пользу, Белоснежка. Хорошо подумай над моими словами. Я вернусь тогда, когда у тебя будет ответ, который меня удовлетворит. У меня дела. А ты... – он бросает взгляд на тарелку с ужином, – можешь занять рот едой. Самый выгодный вариант для тебя. Без еды ты не соображаешь. А глупость меня раздражает. До встречи, Белоснежка, – Лазарро открывает дверь, но вновь оборачивается ко мне. – Двери и окна будут закрыты. На всякий случай. Продемонстрируешь хорошее поведение, увидишь солнце. Ты же примерная девочка да, Белоснежка? – Кривая ухмылка сопровождает его последние слова, а затем он выходит из комнаты и поворачивает в замке ключ.

Кусаю щёку с внутренней стороны и перевожу взгляд на ужин. Хоть я и безумно голодна, но предложение Лазарро меня пугает. Он не дал мне никакой конкретики, так ещё и в моих умственных способностях сомневается. Я довольно хорошо мыслю в таких обстоятельствах, а он даже не позволил мне узнать все нюансы. Мне хватило опыта и слепой веры в мою новую работу, теперь же я просто осторожничаю и опасаясь очередного обмана. Разве это не нормально? Нормально для любого человека, но только не для Лазарро.

И всё же странный человек. Меня радует тот факт, что он полицейский и, видимо, не просто какой-то служащий, а глава районного управления или чего-то вроде этого. Он упоминал несколько раз про свою территорию, за которой следит, как и про некий авторитет. Понимаю, что он сильно заинтересован в том, чтобы я согласилась с его планом. И я могла бы согласиться, позволь он мне просто подумать и взвесить всё, спросить о том, что меня волнует. Нет. Он категоричен и груб. Очень груб. Странный человек.

Всё же голод даёт о себе знать, как и выпитый алкоголь. Я съедаю всё и даже салат, запивая водой. Потом мне становится так хорошо, что клонит в сон. Едва добираюсь до подушки, сонно поглядываю на висящие на изголовье мягкие наручники, как многие слова, сказанные Лазарро, появляются в голове. Но мне так сложно думать над ними. Я проваливаюсь в сон, вновь переживая страшные дни заточения.

На следующий день меня кормят очень плотно. Пять раз в день, и вся еда довольно качественная и вкусная. Большое разнообразие фруктов, ягод, мяса, овощей и гарнира. Ко мне приходит тот же мужчина с мрачным лицом, что и прежде. Он не говорил со мной. Просто приносил еду и забирал тарелки. Целый день я думала над словами Лазарро, и моё сердце радовалось тому, что получилось сбежать и я до сих пор жива. А потом приходил страх, что это ещё не конец. То чудовище ещё бродит очень близко ко мне, как и к моей семье. Мы в опас-

ности. Конечно, Лазарро довольно красноречиво показал мне, что может и готов сделать ради этого дела. Но меня волнует то, что я и его боюсь, и мне интересно узнать больше об этом человеке. Нормальная реакция на новое знакомство, тем более я уже полностью убеждена, что вреда они мне не хотят. Никто себе не позволил здесь лишнего, кроме Лазарро. Но он сам по себе странный, и я думаю, что это следствие его работы. Он, наверное, каждый день трупы видит. Способность не сойти с ума от ужаса и продолжать защищать людей, делает его хорошим человеком, даже с непонятными фразами.

Лазарро не появлялся весь день, но и ответа для него у меня нет. Меня разрывает от сомнений. Мне нужно больше информации. Намного больше, чем он мне дал. У меня накопилась сотня вопросов, прежде чем я окончательно приду к собственному решению.

Поднимаю голову, прекращая поток нескончаемых мыслей, когда в спальню входят трое мужчин. Напрягаюсь моментально и сглатываю от страха. Время обеда уже прошло, и я поела. Ужин не наступил. Перекус сегодня мне не приносили, потому что вчера оставили целую вазу с различными фруктами, как и бутылки с водой, соки и газировку.

Мужчины, словно меня нет, проходят мимо. Они что-то несут в коробке, а во главе их следует тот самый человек, который меня кормит.

Поднимаюсь из кресла и направляюсь следом за ними. Вхожу в ванную и вижу, что они достают из упаковки новое зеркало. Стыд за то, что я сделала, снова возвращается.

– Простите, – тихо произношу. Они никак не реагируют на меня, а просто вешают новое зеркало.

– Мне очень жаль, что Лазарро понёс убытки из-за меня, а вас я оторвала от работы. Я, правда, сожалею об этом, – добавляю. Один из них всё же оборачивается. Видимо, главный. Он недоумённо смотрит на меня, и я расцениваю это, как зелёный свет к налаживанию общения.

– Дело в том, что я была очень напугана и даже сейчас опасаясь всего. Не знала, что вы из другой команды. То есть о том, что вы хорошие. Мне крайне неудобно из-за того, что я принесла проблемы, и вам приходится тратить своё время на установку нового зеркала, – произношу, натягивая улыбку. Лицо главного снова становится каменным и мрачным. Почему?

– Но я благодарна вам от чистого сердца за то, что вы взяли за это дело. Обещаю, что больше ничего не сломаю. Я аккуратно обращаюсь с вещами, а тогда просто была в панике. Простите меня за то, что вы видели. Мне до сих пор стыдно. Я никогда не помышляла о самоубийстве, но в тот момент другого выхода для себя не видела. Он клялся, что со мной сделают что-то похуже, чем уже было, и я решила, что это время настало. Но я безумно рада, что именно вы и Лазарро пришли мне на помощь. За это вам воздастся. Все хорошие дела возвращаются бумерангом добра. В жизни...

Замолкаю, понимая, что меня, вообще, никто не слушает. На самом деле эти люди молча вешают зеркало, собирают инструменты и обходят меня, словно я какой-то столб.

Крайне невежливо с их стороны, но, вероятно, они ещё злятся. Я, действительно, принесла им проблемы.

Остаюсь одна и тяжело вздыхаю. Они злятся, и я их понимаю.

Лежу на кровати, смотря в потолок, и думаю обо всём на свете. Я никогда не отличалась от остальных, особенно внешностью. Я симпатичная для некоторых, но для кого-то недостаточно высокая. Как говорил мой бывший, я слишком миленькая и маленькая, чтобы меня обижать. В итоге всё оказалось иначе.

Переворачиваюсь на живот и подпираю руками подбородок, гипнотизируя закрытую дверь. Ужин уже был, а вот Лазарро не приходил. Мне нужно с ним поговорить. Два дня прошло с нашей последней встречи, но он не соизволил появиться. Не знаю, что думать...

Глава 4

Хотя моё новое заточение довольно комфортное. У меня есть всё начиная с минимального набора одежды в шкафу, заканчивая какими-то необычными масками для лица в шкафчике в ванной. Но меня это изводит. Решения так и нет, потому что нет никакой информации. Не могу рисковать... да я, вообще, не рискую. Раз только был, когда сбежала и...

– Босс ожидает тебя через полчаса на завтрак на нижней террасе у бассейна. Собирайся. Дёргаюсь в кровати и приподнимаюсь на локтях, но главный уже ушёл. Неожиданно.

На моём лице расцветает улыбка, и я выскакиваю из постели. Утро. Наконец-то, всё закончилось. Быстро расчёсываю короткие волосы, достаю из шкафа одежду и обуваю кеды. Одновременно, подпрыгивая на одной ноге, чищу зубы. Я так рада тому, что встречу с Лазарро, и мы сможем поговорить. Моё моральное и психологическое состояние практически в норме. Я могу трезво оценивать ситуацию. Надеюсь, в этот раз я его не разозлю, ведь Лазарро был ко мне так добр.

Главный возвращается. У меня нет часов в комнате, но я уверена, что прошло ровно тридцать минут.

– Доброе утро, – улыбаясь, говорю при виде его.

Он молча разворачивается. Спешу за ним следом. Может быть, он не в духе?

Мы выходим из спальни и идём по длинному, большому и светлому коридору с выходящими в него дверьми многочисленных комнат. Восхищённо оглядываю канделябры с электрическими свечами, огромные люстры на высоких потолках и богемную лепнину. Невероятно красиво. Большая и широкая лестница, выполненная в том же цвете, что и декор всего дома, а он невозможно роскошный. Точно Лазарро не какой-то офицер полиции. Его должность намного выше, раз он может себе позволить содержать такой особняк в идеальной чистоте.

Я поражена убранством дома, а когда мы минуем гостиную и выходим на улицу, то от яркого солнца мои глаза буквально слепнут на пару мгновений, а потом я издаю восхищённый вздох. Зелёные лужайки и садовники, ухаживающие за всевозможными цветами вокруг. Очень красиво.

Меня ведут дальше, и я замечаю развилку, мы сворачиваем направо, а там ещё две дороги. Территория огромная, и за ней нужно следить, а это стоит уйму денег.

Неприлично считать чужие финансы.

Одёргиваю себя и продолжаю изучать зелёные луга и просторы, пока мы не оказываемся невдалеке от места завтрака.

– Тебе туда, – сухо бросает Главный.

– Благодарю, – нараспев отвечаю.

Белоснежная скатерть так красиво контрастирует с окружающей зеленью и цветами, что сдержать восхищённые охи невозможно. Стол уже сервирован, только Лазарро нет. Так мило было с его стороны устроить пикник в саду для меня. После стольких дней темноты, страха и постоянно грозящей опасности я понимаю, что сейчас абсолютно расслаблена и готова к любым переговорам. Мне идут на уступки. Холят и лелеют...

Неожиданно слева раздаётся какой-то всплеск, и я поворачиваю голову на звук. Голубую гладь в длинном, мраморном бассейне разрывают мощные и сильные гребки.

– Матерь Божья, – выдыхаю я.

Мне становится крайне неудобно рассматривать мужчину, так чётко и быстро проплывающего бассейн. Но я смотрю. Не могу прекратить. Со мной случается что-то странное, потому что я впииваюсь взглядом в широкую спину пловца, в его длинные ноги и бугрящиеся мышцы, играющих в свете солнца каплями воды, стекающей по его телу. Вынырнув, он оказывается на поверхности, и наши взгляды встречаются.

Лазарро. Конечно, кто ещё может покорить и продемонстрировать такую выносливость. Длина бассейна не меньше пятидесяти метров, и он быстро проплыл её.

– Доброе утро, Белоснежка. Присоединишься? – облачиваясь о бортик бассейна, Лазарро приподнимает уголок губ, а у меня воздух застревает в горле.

– Доброе утро, Лазарро. Благодарю за приглашение, но я не умею плавать. Негде было учиться, – отвечая, смачиваю губы языком и выдавливаю из себя улыбку.

– Что ж, тогда располагайся, я присоединюсь чуть позже. – Лазарро отталкивается ногами и вновь начинает поединок с водой.

Я отвожу взгляд, но он непроизвольно, клянусь, возвращается к бассейну. С невероятным интересом разглядываю Лазарро, точно и легко работающего руками. Большие и крепкие руки. Такие мышцы я только на картинках в журнале видела. А этот мужчина из плоти и крови, да ещё и с благородной профессией, за что можно простить ему и жаргон. Неповторимый человек.

Не могу скрыть своего восхищения Лазарро. Улыбаясь, склоняю голову набок и отмечаю вновь и вновь, как превосходно он плавает.

Закончив, как я подозреваю, свою тренировку, Лазарро даже не запыхался. К нему подходит главный и расправляет полотенце. Мышцы рук Лазарро напрягаются, когда он облачивается на бортик и одним движением выпрыгивает из воды... голым!

– Иисусе, – охая, быстро отворачиваюсь. Он голый! То есть на нём даже плавок нет! Голый!

От вида голых, загорелых и накачанных ягодич Лазарро покрываюсь огненной краской. Она обдаёт меня таким жаром, что даже дышать становится сложно.

Так, это его дом и его бассейн. Он может плавать в нём, как угодно. Но, а как же элементарные правила приличия? Видимо, американцы слишком сильно отличаются от нас, англичан. Мой бывший даже спал в носках, объясняя это тем, что ему холодно. А здесь... голый... Боже мой!

Когда я слышу звук шагов, направляющихся к столику, то крепче сжимаю руки под столом, умоляя, чтобы Лазарро хотя бы полотенце набросил на себя, а не просто сел голым напротив меня. Это же... я даже найти слов в уме не могу. Мне безумно некомфортно от того, что я увидела. Неужели, нет ни грамма стыда?

– Всё в порядке? Ты чувствуешь себя хорошо? Нет аллергии на солнце?

Вскидываю голову так резко, что нечаянно прикусываю язык и издаю стон.

– Идеальное утро. Стоны женщины – самое лучшее приветствие и ответ на вопросы мужчины. Не так ли, парни?

В ответ на слова Лазарро раздаётся смех. У него, действительно, странное чувство юмора, но зато он в халате. Теперь я готова простить ему всё, ведь приличия соблюдены, и мне немного проще смотреть на него. Хотя... до чего же красив.

В темноте спальни при скудном свете ламп, да ещё и в своём затравленном состоянии, у меня не было возможности получше рассмотреть нового знакомого. Теперь же, находясь так близко к нему, восхищаюсь мужественной и довольно опасной красотой. Даже немного кривоватый нос его не портит. Наоборот, он говорит о том, что этот мужчина повидал много и уж точно не даст фору преступнику.

– Белоснежка, просыпайся. Гномы уже состарились, пока ждали, когда ты придёшь в себя, а принц ускакал к другой, – произносит Лазарро и несколько раз щёлкает загорелыми пальцами в воздухе, и я часто моргаю.

– Прости меня за затянувшееся молчание. Я немного задумалась, – отвечаю, нервно улыбаясь ему, и опускаю смущённый взгляд.

– В твоей голове, наконец-то, появились аморальные мысли, Белоснежка?

Хмурюсь и бросаю взгляд на Лазарро. Он словно высмеивает что-то, но я не понимаю что.

– Эм... я... для начала хотела бы всех вас поблагодарить. – Да, лучше показать всем этим людям, что я, действительно, всем сердцем рада тому, что они оказались рядом и спасли меня из грозящего чудовищного рабства.

– Вы настолько добры ко мне. А этот дом... он потрясающий. Сад невероятной красоты и так много зелени, как будто я вновь оказалась в Англии. Вы очень великодушны. Все, – добавляю я с широкой улыбкой.

Лицо Лазарро принимает странное выражение. Он, словно три лимона подряд съел.

– Хм, то есть ты сделала вывод о нашем великодушии по величине дома и количеству зелени вокруг него? – спрашивая, бросает вопросительный взгляд на своих людей, стоящих в метре от столика с такими же странными выражениями на лицах, как секунду назад было у Лазарро.

– Ох, нет-нет. Я просто собиралась с мыслями, – отвечая, дарю им улыбку. Конечно, они не поняли меня.

– Я имела в виду, что вы очень гостеприимны, и у вас большие добрые сердца. Не каждый человек, даже будучи полицейским, так приветливо будет заботиться о такой, как я. Тем более, если учесть, что вы не обязаны со мной нянчиться, а всё же предоставили мне кров, одежду, еду и доброе отношение. Вы кормите меня очень дорогими и качественными продуктами, а также заменили зеркало, которое я разбила... простите меня за это, я была очень напугана. Да и, вообще, ваше отношение ко мне, особенно твоё, Лазарро, вызывает внутри меня невероятное восхищение и благодарность. Спасибо вам за гостеприимство и терпение ко мне. Я знаю, что все ваши благие поступки по отношению ко мне, вернуться вам с огромной добротой и силой благодарности, – замолкаю, ещё шире улыбаясь.

Лазарро поворачивает голову вбок.

– Босс, это не я. Своими яйцами отвечаю, ничего не подсыпал ей, – быстро произносит главный.

Озадаченно приоткрываю губы, издавая неслышный вздох.

– Охренеть, – Лазарро закатывает глаза и возвращает свой взгляд на меня. – Ты что, на полном серьёзе?

– Конечно. Если бы правила приличия позволяли, то я бы даже обняла тебя, чтобы доказать, как сильно благодарна тебе, Лазарро, – киваю.

Он шумно вздыхает и проводит ладонью по волосам, почёсывая затылок.

Почему такая странная реакция на мои слова? Я же искренне сказала всё это и ни капли не врала. Видимо, они просто не привыкли к благодарности людей, ведь они потребители. Только «дай, дай, дай»... как печально.

– Ты ходила в воскресную школу? Такую, которая при церкви? Или была в этих... как их... закрытых школах для девочек, которых готовили в принцессы?

– Я ходила в обычную школу. Самую обычную, но родители меня хорошо воспитали и привили мне основы этикета. У нас простая семья. Ничего особенного, – с улыбкой отвечаю.

Лазарро приносят кофе и завтрак, как и для меня. Мужчины, здесь находятся исключительно мужчины, я это заметила, расставляют тарелки.

Делаю глоток кофе после Лазарро и наслаждаюсь вкусом. Хотя я люблю больше чай, но кофе тоже хорош. Всё хорошо. На самом деле ведь всё хорошо. Меня защитили. Я справились с побегом. Впервые рискнула, и мне попались добрые люди. Немного странные, но у каждого есть право на самовыражение. Так что всё хорошо...

– Ты девственница, Белоснежка?

Вздрагиваю от неуместного вопроса и нечаянно обжигаю нижнюю губу.

– Прости? – Хватая салфетку, прижимаю её к губам и озадаченно смотрю на хмурого Лазарро.

– Ты трахалась когда-нибудь? Раздвигала ноги? Стояла раком? Сосала? Дрочила? Мастурбировала? Орала от оргазма? Хоть что-то из этого?

Мой рот приоткрывается от вульгарности его тона и слов. Но я профессионал.

Беру себя в руки, но всё же краска стыда снова появляется на щеках. И его голос был громким. Это слышали другие люди. Как так можно?

– Хм, приношу свои извинения, Лазарро, но это довольно деликатный и личный вопрос, – отвечаю и, прочищая горло, кошусь на прыскающих от смеха мужчин. Почему они всё ещё здесь?

– Тебя насильовали в клетке? – Лазарро не сдаётся, отчего я уже теряю всё самообладание. Это ведь невежливо!

– Нет. Я уже говорила. Ничего подобного не было, но он обещал это сделать, если я не соглашусь на его условия, – с глубоким вдохом отвечаю.

– Но могу добавить, что не имею ничего против интимных отношений до брака, – быстро произношу. Надеюсь, этого хватит, чтобы закрыть данную тему.

Лазарро делает глоток кофе, не сводя с меня глаз, отчего становится не по себе. Я даже свой взгляд от его лица отвести не могу, он словно приковывает к себе и лишает воли.

– То есть тебя хреново трахали. Так бы сразу и сказала, Белоснежка, – усмехаясь, наблюдает за моей реакцией. Странный мужчина. Вроде бы хороший, но всё же есть в нём чертовщина какая-то.

– Я, вообще, не обязана об этом говорить. Крайне невоспитанно спрашивать о подобном незнакомого человека, тем более женщину...

– Тебя очень хреново трахали, – перебивая, растягивает слова и довольно улыбается.

– Можно найти слова и поприличнее, знаешь ли. Не стоит постоянно показывать своё... хм, свободное отношение к этикету. И если на то пошло, то у меня был жених. Мы расстались, когда мне пришлось уволиться. Мы жили вместе с ним. И раз тебе настолько интересно знать, то да, между нами была интимная связь, – раздражённо огрызаюсь и занимаю рот кофе. Невозможный человек!

Надежда на то, что этот неприятный разговор прекратится, просто исчезает, когда все находящиеся здесь мужчины смеются. Они откровенно насмеваются надо мной. Но что не так? Почему они позволяют себе такое?

От обиды поджимаю губы и сглатываю неприятный ком в горле.

– Что такого смешного для вас я сказала, если вы прямо в моём присутствии высмеиваете меня? – тихо спрашиваю.

Лазарро резко поднимает руку и сжимает её в кулак. Смех сразу же прекращается.

– Мне неприятно, что вы так поступаете со мной. Я ведь ничего плохого вам не сделала, а чувствую себя так, словно меня прилюдно унижают, – добавляю, поднимая взгляд на Лазарро.

– Я стараюсь быть лояльной к твоему жаргону, но терпеть подобное отношение к себе не собираюсь. Между нами нет никаких личных отношений, есть только дело, и я бы предпочла говорить исключительно о нём. В данный момент моё хорошее отношение к тебе стремительно близится к отметке ноль. Мало того, что ты специально говоришь грубости, так ещё и эти люди поддакивают тебе, буквально втоптывая меня в грязь. Мне двадцать семь лет, я уже не маленькая девочка, чтобы позволять людям подобное. Да, вы все помогли мне, но это не лишает меня права заступаться за себя. Может быть, я немного знаю о вашем обществе, но уверена, что вежливость и приличия никто не отменял ни в одной стране. Так что, будь добр, Лазарро, прояви уважение ко мне, как к собеседнику. Спасибо, – произношу и, гордо вздёрнув подбородок, уверенно смотрю ему в глаза.

На самом деле всё это глупая бравада. Мне страшно. Внутри меня с каждой минутой растёт странный, непонятный ком из нервозности и опасений. В то же время мне стыдно за свой словесный порыв. Я не имею права так говорить, но ведь и они не имеют права насмеяться

надо мной. Надеюсь, что мне не выйдет это боком. Свежи ещё воспоминания... они в моей голове. Они в каждом глотке свежего воздуха. Они невидимое клеймо на моей коже. Грязь. Хотя я принимала душ, но отмыться от смрада и вони экскрементов не в силах. Я просто так... запуталась и до сих пор испугана. Возможно, нахожусь в затянувшемся шоке, потому что со мной столько событий не случилось никогда.

Я боюсь... даже Лазарро.

До меня неожиданно дошло, что я перегнула палку. От них сейчас зависит моя жизнь. От моего поведения зависит моя семья. Всё зависит от этих людей. А я...

– Не смей!

Вздрагиваю, когда Лазарро изо всех сил швыряет кружку рядом со столиком, прямо на мраморный пол.

Меня парализует от страха. Вжимаюсь в стул и с ужасом смотрю на перекошенное яростью лицо Лазарро.

– Не смей, Белоснежка. Не смей, – уже тише повторяет он, указывая на меня пальцем.

– Что... я... не понимаю... ты меня... пугаешь, – выдавливаю из себя.

С рыком Лазарро дёргает головой, словно настоящее животное. Он скалится и резко поднимается со стула. Один вдох. Моя грудь под хлопковой футболкой вздымается лишь раз, как он уже достигает цели. Нависает надо мной. Аромат кондиционера для белья, исходящий от его белоснежного халата, слабый запах хлорированной воды и кофейное дыхание Лазарро обдают моё лицо. Он склоняется надо мной. Пальцами грубо хватая меня за подбородок, а я сделать ничего не могу. Со страхом смотрю в его потемневшие глаза. Зрачки расширены, и он зол на меня по понятным причинам.

– Не смей снова накрывать себя грёбаной раковиной воспитания, поняла? Со мной его никогда не было и не будет. Всё это хрень собачья. Ясно?

Сглатываю, быстро моргая.

– Ты выразила своё мнение, показала характер. Вот. Вот что важно в этом блядском мире, Белоснежка, – его голос становится тише, но такой же твёрдый, как и раньше. И хватка на моих щеках ослабевает.

– Борьба за свою жизнь, отстаивание своего мнения, желание не сдаваться – это помогло тебе сбежать, обманув тех, кого раньше невозможно было обмануть. Вот! Слышала? Вот это и спасло тебя в тот раз и сегодня. Характер. Остальное дерьмо. Запомни, не смей извиняться, даже если не права. Не смей никому показывать своё воспитание. Иначе ты сдохнешь. Мне бы этого не хотелось. Теперь ты поняла, как надо жить начиная с этого момента?

Ничего не поняла, но киваю. Я обманываю его и пусть... зато сохранию себе жизнь. Слова Лазарро для меня просто непонятны.

На лице Лазарро появляется улыбка. Наконец-то, всё закончилось...

– Я, мать твою, что сказал тебе? Не ври мне!

Дёргаюсь всем телом, когда он снова хватает меня за лицо ещё сильнее, чем в первый раз.

– Не будешь со мной честна, будет больно. Такой принцип. Не будешь слушать меня, будет больно. Не отбросишь всю эту хрень, которую вдолбили в твою голову, будет больно. А боль я причинять умею, – рычит он и ещё ниже склоняется надо мной.

– Я не понимаю... не понимаю... прости... я не понимаю... – едва могу выдохнуть.

Из его приоткрытых губ доносится кофейный аромат. Резко очерченные скулы приподнимаются, а затем его глаза становятся светлее.

– Вот так лучше. Намного лучше. Я научу тебя, Белоснежка. – Его большой палец надавливает на мои губы. Он сминая их, проводя из стороны в сторону. Боже мой... мне становится плохо. Очень плохо... голова начинает кружиться. Я вижу только его лицо и буквально теряю рассудок.

– Всё у тебя получится. Но со мной твои выкрутасы не пройдут. Запомни. Нарушишь мои правила – я накажу тебя, Белоснежка, – он хмыкает и щёлкает меня по носу, словно ничего странного не случилось.

Господи, куда я снова попала? И кто этот человек на самом деле? Какая из его улыбок была настоящей? И сколько правил теперь будет, чтобы выжить?

Глава 5

Я не могу прийти в себя от произошедшего, а совершенно спокойный Лазарро уже сидит на стуле с новой чашкой кофе в руках. Разбитое стекло уже убрали, как и пятна. А я, шокированная сижу и смотрю на него. Он ведёт себя, как обычно. Завтракает и улыбается мне.

– Ешь, – Лазарро указывает на мою тарелку.

Опускаю взгляд к оладьям с мёдом, ягодами и взбитыми сливками. Тошнота дерёт горло.

– Благодарю, я не голодна, – выдавливаю из себя.

– Ты, блять, издеваешься? У тебя память, как у рыбки? Я же только...

– Хорошо-хорошо, не кричи, – быстро шепчу, мотая головой от повышенного и злого голоса Лазарро.

Он испепеляет меня взглядом, ожидая нормального, по его меркам, ответа.

– Это будет крайне невоспитанно и невежливо по отношению к гостеприимному хозяину дома, но я... не могу это есть. После долгого голодания и отсутствия нормальной пищи, такая для меня... сложная. Желудок не справляется. Позавчера меня вырвало... прости, я порчу тебе аппетит, но ты сам захотел честности. Я ем только ягоды. Вчера ела. Тогда мой организм воспринимает это нормально. Для меня такая пища слишком тяжёлая. Я... я бы не отказалась от овсянки на воде... но не имею права выбирать, так что не волнуйся, просто поем ягод, – опять краснею и шумно вздыхаю. Он вынудил меня признаться в ужасно личных вещах, а это недопустимо. Папа был бы недоволен мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.